
ОГОНЁК
№ 3 ЯНВАРЬ 1967
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

БРАТСК. ГОД

1967

«Велик путь нашего народа. Велик его подвиг. Он будет вечным примером для грядущих поколений, для всех, кто избрал дорогу свободы».

Из Постановления ЦК КПСС «О подготовке к 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции».

Фото А. ГОСТЕВА.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

№ 3 (2064)

15 ЯНВАРЯ 1967

45-й год издания

ВЕЛИК ПУТЬ НАШЕГО НАРОДА. ВЕЛИК ЕГО ПОДВИГ.

Сегодняшний номер «Огонька» открывается фотографиями, сделанными в Братске. На нашей планете нет электростанции мощнее Братской. Братск — это крупная веха на пути нашего народа к коммунизму, это пример трудового подвига советских людей.

«50 ЛЕТ ОКТЯБРЯ — ЭТО СОЗДАНИЕ КРУПНОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ...» — говорится в Постановлении ЦК КПСС «О подготовке к 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции».

Рост советской энергетики — яркое (в полном смысле слова) тому свидетельство. В последние три года в среднем каждые два месяца мы выполняли по одному плану ГОЭЛРО. Советский Союз прочно удерживает первое место в мире по мощности гидростанций и гидроагрегатов. Мачты линий электропередач стали необходимым элементом пейзажа нашей страны. Они перешагнули границу, связали советские электростанции с энергетикой наших друзей в Европе.

На этих страницах — репортаж «Огонька», который перенесет вас из Братска во Львов, на энергетическую трассу братского содружества стран лагеря социализма.

ТРИ ДНЯ «МИРА»

О. КНОРРИНГ

Фото автора.

...Через горы, через расстояния...

О международной энергосистеме «Мир» мне приходилось слышать и раньше. Коллеги журналисты рассказывали, как соединенными усилиями братских стран, участниц СЭВ, ликвидировались неполадки в системе, как помогали они друг другу в трудную минуту.

На диспетчерском пункте «Львовэнерго» главный диспетчер Борис Семенович Цимановский сказал:

— Должен вас огорчить — никаких ЧП нет и не будет. Не те времена. Давно уже работаем спокойно. Погостите у нас денька три — сами убедитесь.

...Пульт расположен в небольшой комнате. За столом диспетчер и его помощник. В стол вмонтировано несколько приборов, показывающих работу электростанций, и панель с бесконечным количеством телефонных переключателей. Достаточно нажать какой-нибудь из них — и тотчас на проводе Прага, Варшава, Берлин. Прямая связь не только с диспетчерами, находящимися в столицах социалистических стран, но и с крупными ГРЭС, электроподстанциями Западной Украины. На противоположной стене — большая схема энергосистемы, а на самом видном месте находится прибор, показывающий частоту колебаний в сети. Это один из важнейших факторов в энергетике — частота должна равняться 50 герцам. Отклонение более чем на одну десятую в ту или другую сторону — авария.

Диспетчерская выглядит пока еще не очень внушительно. Рядом для нее уже строится новое здание.

«Мир» состоит из энергосистем братских социалистических стран. Основной принцип — равенство и взаимная выгода. Единое диспетчерское управление позволяет, имея даже небольшие резервы мощности, гибко маневрировать электроэнергией.

— Как работает такая система, как осуществляется это маневрирование?

— Очень просто. Понятно, что каждое государство стремится обойтись собственными энергетическими ресурсами, но это не всегда удается. Зачастую приходится покупать электроэнергию у соседей. И вот тут-то начинает действовать объединенная система «Мир». Электростанции всех стран работают как бы в один «котел», а оттуда каждый партнер получает столько, сколько ему требуется. Одни вырабатывают электроэнергии больше, нежели потребляют, другие — меньше. Одни экспортируют ее, другие, наоборот, импортируют. Взаимопоставки оформлены соответствующими контрактами и осуществляются строго по графику. Благодаря этому все страны социалистического лагеря полностью обеспечены электроэнергией. Учет ведется очень точный. Был как-то случай, когда к оплате представили счет на... пять

Маруся Луканинец.

киловатт-часов. И это при миллиардных мощностях!

— А как быть, если кто-нибудь из партнеров недодает в общий «котел» установленную для него графиком мощность?

— Случается и такое. Причины бывают разные: недостатки воды у ГЭС, внеплановая остановка агрегатов на ремонт. В большом хозяйстве все предусмотреть трудно. Но если случается, тогда диспетчер — а ему известно, у кого в данное время имеются свободные резервы,— договаривается с другой страной. Она тут же повышает мощность своих станций и компенсирует недостачу электроэнергии в общей сети.

...На пульте замигала сигнальная лампочка. Борис Семенович поднимает телефонную трубку.

— Алло! Прага? Я Львов. Цимановский слушает. А, товарищ Штетка! Доброе утро. Как здоровье? У нас все в порядке, работаем по графику. Что? Увеличить мощность? На сколько? Хорошо, товарищ Штетка, сделаем...

Диспетчер улыбнулся.

— Кажется, вам «повезло», товарищ корреспондент. Вот одна из неожиданных коллизий, о которых вы слышали от коллег. Видите, частота в системе стала падать. Чехи просят помощи.

Рука диспетчера привычно быстро находит на пульте среди сотни переключателей нужный именно в данный момент.

— Добротворы? ГРЭС? Увеличьте мощность на пятнадцать процентов против графика. Понятно? Выполняйте.

Проходит какое-то время — и я вижу, как стрелка указателя частоты, отклонившаяся было влево, вновь остановилась на цифре «50».

— Скажите, Борис Семенович, а если где-нибудь произойдет авария, что тогда?

— Один за всех, все за одного. Выручает объединенное управление. Опытный диспетчер, правильно маневрируя мощностями, быстро ликвидирует опасность, и ни одно предприятие не будет отключено. Потребители электроэнергии даже и не заметят этой аварии.

Разговор наш прерывают телефонные звонки. Будапешт запрашивает, будем ли мы на следующей неделе работать по графику. В Бухаресте интересуются, когда мы предполагаем отключить для испытания линию Мукачево — Лудуш, по которой румыны транзитом, через нашу подстанцию, передают излишки электроэнергии чехам. Оповещает главный диспетчер ОДУ: «Всем, всем, всем! Ввиду повреждения одной из линий подача энергии будет переключена на другую». Прислушиваешься к деловым переговорам диспетчеров и чувствуешь — говорят друзья, приятели, люди, хорошо знающие друг друга, встречающиеся не только по служебным обязанностям.

— Капиталистическая печать,— рассказывает Борис Семенович,— изощряется в выдумках о каких-то мифических кабальных условиях для партнеров нашей энергосистемы. Все это чушь. Послушали бы вы, что происходит на очередных совещаниях представителей стран — участниц энергосистемы. Каждое государство, естественно, соблюдает свои интересы, но в любую минуту готово помочь соседу.

— Бывают ли на этих совещаниях разногласия?

— Бывают, но редко. В таких случаях особое мнение заносится в протокол и отмечается звездочкой. Но, как сострил на одном из подобных совещаний представитель Польши товарищ Оснисний, все предпочитают видеть звезды на бутылках коньяка, а не в протоколах.

...Едем в Мукачево, на пограничную электростанцию. Машина мчится по извилистому шоссе. Рядом бегут легкие, ажурные мачты линии электропередачи. Они то приближаются к дороге, то уходят куда-то в сторону, вновь возвращаются, взбираются на горные кручи, переносятся через горные речки и, опережая нас, исчезают за горизонтом. Собранная из ручейков мощная электрическая река пересекает Карпаты, доходит до Мукачева и оттуда растекается по трем руслам: на Румынию, Венгрию и Чехословакию.

Подстанция ощетинилась лесом металлических мачт, увешанных гирляндами изоляторов. Над головой — паутина проводов. В огромном зале нас встречает дежурный техник, «хозяйка» смены, молоденькая чернобровая Маруся Луканинец. На первый взгляд хозяйство у нее тихое, но это только на первый взгляд. Хлопот тут много. Сотни приборов. И за всеми нужно уследить. Приборы здесь предусмотрены, кажется, на все случаи жизни: обрыв проводов, перегрузка, замыкание, гололед. Случись что-либо на линии, тотчас сработает автоматика. Но ведь и за ней глаз да глаз нужен. На одном из щитов — ряд счетчиков. Одни учитывают количество электроэнергии, уходящей от нас за границу, другие — поступающую к нам. Такие же счетчики установлены на смежных зарубежных подстанциях в Лудуше, Лемешанах и Шойосеге. Каждый час Маруся снимает показания счетчиков и заносит их в журнал. Это для взаимопроверки. Дежурные на братских подстанциях делают то же. Время от времени записи сверяются. Этому придается большое значение. На основании показаний счетчиков производятся взаимные расчеты.

Звонит телефон. Говорит диспетчер из Львова.

— Отключите ЛЭП номер один!

И Маруся, вооружившись резиновыми перчатками, спешит к переключателям. Не простая это вещь: некоторые из них представляют собой сложнейшие технические сооружения. Переключение должно быть мгновенным. Напряжение-то ведь в сети четыреста тысяч вольт! Вольтова дуга тут может мгновенно все пережечь.

Дежурная действует уверенно. Легкий треск искры на воздушных контактах, а затем с грохотом, похожим на пушечный выстрел, срабатывают пневматические переключатели. Линия отключена. Приказ выполнен.

* * *

Львов. Снова пульт управления. Все как обычно. Дежурный разговаривает по телефону со своими зарубежными коллегами, обсуждая какие-то текущие, будничные дела, а его помощник чертит на листах миллиметровки кривые выполнения графика.

Графики, графики, графики... И никаких происшествий.

В президиуме торжественного собрания, посвященного вручению ордена Ленина Ленинградской области. Выступает М. А. Суслов.

Телефото ТАСС.

НА ЗНАМЕНИ ОБЛАСТИ — ОРДЕН ЛЕНИНА

В Ленинграде состоялось торжественное собрание, посвященное вручению Ленинградской области высокой награды — ордена Ленина. Это награда Родины за мужество и героизм, проявленные трудящимися Ленинградской области в разгроме немецко-фашистских захватчиков под Ленинградом в период Великой Отечественной войны, и за успехи, достигнутые в развитии народного хозяйства. Под продолжительные аплодисменты присутствующих член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС М. А. Суслов прикрепил орден Ленина к знамени Ленинградской области.

Фото ТАСС, ЮПИ, журнала «Жён Африк»

Пять дней, с четвертого по восьмое января, в пригороде Парижа Левалуа-Пере проходил XVIII съезд Французской коммунистической партии. Коммунисты Франции высказались за широкое объединение всех демократических сил страны. Съезд избрал руководящие органы партии. На съезде присутствовала делегация КПСС во главе с членом Политбюро ЦК КПСС тов. А. Я. Пельше, который выступил с речью и огласил приветствие ЦК КПСС съезду французских коммунистов.

На снимке: в президиуме съезда. В первом ряду находятся генеральный секретарь ФКП тов. Вальдек Роше, тт. Жаннетта Торез-Вермерш, Этьен Фажон, Жак Дюкло и другие.

Михаил Шолохов стал обладателем польского «Золотого колоса» за 1966 год. Этот приз учрежден «Дзенники людовы» («Народной газетой»), Министерством культуры и искусства ПНР и Союзом сельской молодежи Польской Народной Республики.

«Золотой колос» присуждается ежегодно на основе конкурсного опроса одному польскому и одному иностранному писателю за наиболее читаемые произведения. Как показал конкурс, самыми читаемыми произведениями иностранных авторов в истекшем году были «Судьба человека» и «Тихий Дон» Михаила Шолохова. За присуждение приза писателю высказалось свыше 400 тысяч человек.

11 января посол Польской Народной Республики в СССР Эдмунд Пщулковский вручил Михаилу Шолохову в посольстве приз «Золотой колос» и почетную грамоту.

Михаил Шолохов сердечно поблагодарил польских читателей за высокую оценку его творчества.

Исполнилось семь лет с того времени, когда в Асуан пришли первые строители высотной плотины на Ниле. Семь лет бок о бок трудятся советские и египетские рабочие и инженеры, покоряя великую африканскую реку. Столица Объединенной Арабской Республики Каир уже готовится принять ток Асуанской гидроэлектростанции. В тридцати километрах от города сооружается Центральная каирская подстанция линии электропередач. Ее строят египтяне при техническом содействии советских специалистов.

Город Намдинь в Демократической Республике Вьетнам, на дома которого самолеты американских агрессоров обрушили сотни бомб, сравнивают с Герникой, разбомбленной фашистами во время гражданской войны в Испании. Вьетнамцы показали следы варварства американских агрессоров женщинам из США, делегация которых находилась недавно в ДРВ. Те, кто увидел эту картину разрушений, поняли, чего стоят утверждения официальной пропаганды США о том, что американская авиация бомбит «только военные объекты»...

СОЮЗНИК-ХОЛОД

А. ЧЕРНЯХОВСКИЙ

Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА.

— Вы готовы?— спрашивает меня профессор Соловьев. На нем белая рубаха из мадаполама с коротенькими рукавами и пуговицами на плечах, узенькие белые штаны, перехваченные под коленями зеленые парусиновые бахилы, колпак, маска до самых глаз — чем не персонаж из какой-то сказки! Впрочем, и у меня такой же вид. Я приглашен на операцию. Официально она называется так: ушивание врожденного дефекта межпредсердной перегородки. Таких операций уже проведено много. Но сегодняшняя необычна: ВСЕГО В ВОСЬМОЙ РАЗ ХИРУРГИ ДЕЛАЮТ ЕЕ ПО НОВОМУ МЕТОДУ.

Больной, укрытый с головой зелеными простынями, уже на столе. В операционном журнале о нем сказано: «Алексей Митрофанович Алексеев, 9 лет, ученик третьего класса». Поднимаюсь на невысокий постамент и сразу как бы становлюсь членом врачебной бригады. Хирург, два ассистента, профессор и я теперь плотно обступаем с обеих сторон стол. У изголовья — анестезиолог Степан Михайлович Зольников со своими сложными аппаратами, связанными друг с другом переплетением проводов, трубок, шлангов. Там, где угадываются ноги больного, над всеми нами возвышаются операционные сестры: старшая — Надежда Степановна Остроумова и ее помощница — Светлана Клынова.

Грудная клетка больного вскрыта, и мне видно, как раздувается и спадает серое складчатое легкое, как бьется, перекатываясь под серовато-розовой маслянистой оболочкой, больное сердце. Стоящий рядом со мной хирург невысок ростом, худощав и молод. Фамилия его — Рышкин, Вячеслав Семенович, кандидат медицинских наук. Ассистенты подчиняются не только его слову, но и мимолетному жесту.

Оглядываюсь по сторонам, машинально ищу АИК — так врачи кратко называют аппарат искусственного кровообращения. Вон он, непочтительно отодвинутый в угол, стоит пустой, поблескивая стеклом и металлом.

— Отдыхает сегодня АИК!—шепчет мне профессор и улыбается одними глазами. Озорно улыбается: дескать, вот и эту новинку уже потеснили. Еще вчера без нее и думать о сердечных операциях не смели, а теперь — пожалуйста...

Эксперименты на животных и хирургическая техника давно звали врачей смело и широко оперировать на сердце. Но их активность лимитировала самая чувствительная и самая нежная ткань организма — кора головного мозга. Всего каких-нибудь 4—5 минут без кровоснабжения — и клетки мозга безвозвратно гибли от кислородного голодания. Проблему, казалось, полностью разрешал АИК. Пока хирург «латал» выключенное из кровообращения сердце, аппарат успешно заменял его: гнал по сосудам кровь, очищал ее от углекислоты, обогащал живительным кислородом. Десятки тысяч спасенных жизней — результат применения АИКа. Но время и опыт вскрыли и его некоторые недостатки. Основной фронт борьбы за жизнь больного после таких операций часто перемещается в послеоперационную палату, и главным ее героем становится наряду с врачом зоркая, чуткая, многотерпеливая сестра. Глагол «вылечить» порой заменяется другим — «выходить».

И вот ученые ищут новые возможности, испытывают новые методы. Сегодня, всего только в восьмой раз, операция на сердце идет без АИКа. Ему на смену пришел новый союзник врачей — холод. Но не общий, с его неизменными атрибутами — громоздкая ванна, куски льда, много вспомогательного персонала,— а местный: холод только на голову.

— Можно?— тихо спрашиваю я у Зольникова.

Он приподнимает край простыни — близко, рукой достать, русая мальчишечья голова в эдаком космическом шлеме. Из сети металлических трубок сотнями струек вытекает охлаждающая спиртовая смесь. Лоб покраснел, мокрые волосы слиплись, ресницы сомкнуты, нижней половины лица не видно. Позади нас — холодильная установка, похожая на легкую детскую коляску. Несколько рукояток, светящееся табло, цифры...

А операция идет своим чередом. Рышкин обрабатывает отграниченный зеленым полотном участок операционного поля. Вот показалась бисеринка крови. Осторожно к ней тянется кончик его пинцета. Ассистент тут же прислоняет к нему стержень электрокоагулятора, и красная капелька мгновенно испаряется, а едва различимое устьице сосудика с шипением заваривается.

Меня слегка мутит от сладковатого запаха жженого и спирта. Силюсь представить родных этого мальчугана. Сколько напряженно-тревожных дней провели они! Врачи ничего не обещали, только сокрушенно покачивали головами: что тут скажешь — дефектное сердце! Это тянулось годами. И вот...

Все готово. Рышкин вопросительно смотрит на профессора: не займет ли он главное место? Соловьев отрицательно качает головой, он уверен в знаниях и опыте своего помощника, за плечами которого уже не одна сложная операция на сердце. Ну, и сам он рядом, всегда готовый помочь, вмешаться.

— Продолжай, Слава...

Рышкин какое-то мгновение собирается с мыслями, потом, прицелившись, ловит кривизной зажима пульсирующую скользкую сердечную оболочку. «Справа возьми, чуть ниже,— советует Соловьев.— Вот так, хорошо». Медленно, осторожно Рышкин разрезает зажатую кромку. Появилось несколько капелек крови. Ассистент перехватывает рукоятку инструмента, и хирург одну за другой прижигает алые точечки. Теперь можно отпустить зажим, ассистент готов чуть разжать пальцы...

— Стоп! — решительно вмешивается профессор.

Больной сейчас всецело во власти ведущего хирурга, только он вправе здесь распоряжаться. Рышкин медленно обнажает лилово-розовое сердце, неторопливо находит ушко предсердия, вводит в него палец и чутко нащупывает что-то внутри. Есть! Дефект размером примерно 2 × 2,5 сантиметра.

Теперь палец внутрь сердца вводит Глеб Михайлович Соловьев и тоже замирает, прищурившись. В операционной становится совсем тихо.

— Правильно!— коротко подтверждает он. Потом обводит цепким взглядом бригаду, операционный стол.— Прошу всех собраться, выходим на прямую. Пожалуйста, Слава.

— Давление? — спрашивает Рышкин.

— Сто на семьдесят,—доносится откуда-то из-под стола тоненький голосок анестезиологической сестры Альбины Афанасьевой.

— Пульс?

— Шестьдесят восемь.

— Температура?

— Коры мозга — 25,5°, продолговатого мозга — 29,5°, пищевода — 33°,— по-военному рапортует кандидат медицинских наук Илья Гаврилович Бобков.

Алеша Алексеев уже ходит на лыжах.

Идет битва за жизнь... И сегодня союзник хирурга Г. М. Соловьева — холод.

Алла Сорокина сама испытала, что такое операция на сердце...

— Электрокардиограмма?
— Норма!
— Энцефалограмма?
— Норма!

Теперь Рышкин бросает последний испытующий взгляд на своих помощников.

— Пережмите верхнюю полую вену! — тихо командует он.

— Вена пережата! — туго затягивая тесемки, отвечает ассистент Л. П. Черепенин.

— Пережмите нижнюю вену!

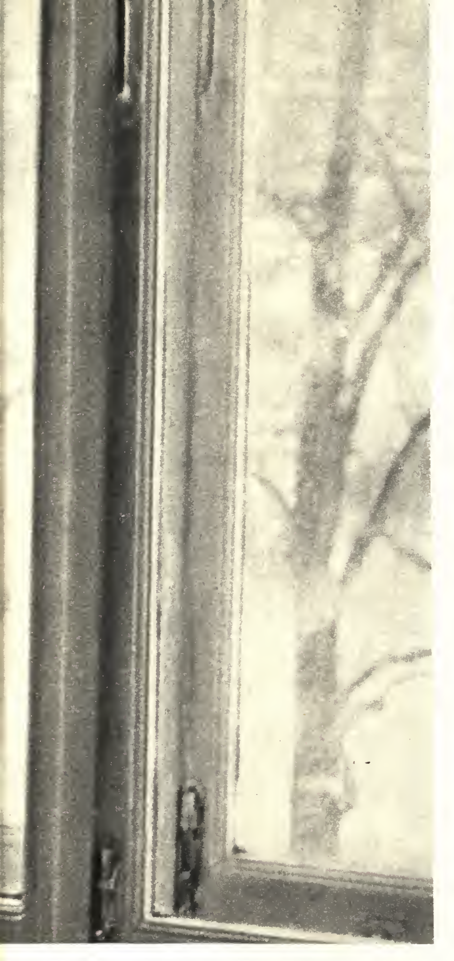
— Пережата! — эхом вторит ассистент Г. Г. Радзивил.

Мне отчетливо видно, как неуклюже вздрагивает и, словно захлебнувшись, затихает сердце. По воле врачей у Алеши Алексеева наступает клиническая смерть. В звонкой тишине монотонно тикает секундомер. И, возможно, от этого становится еще тревожнее: на столе под зелеными простынями распласталось бездыханное тело ребенка, где-то в нем еще теплится по инерции хилая искорка жизни. Вспыхнет ли она вновь?

* * *

С некоторых пор непривычное слово — гипотермия — замелькало на страницах специальных изданий, научно-популярных журналов, газет. Многочисленные эксперименты подтвердили: существует прямая зависимость между температурой тканей и их выносливостью к нехватке кислорода. Ученые подсчитали, что достаточно охладить кору головного мозга хотя бы до 31°, чтобы вдвое снизить ее потребность в кислороде. Но вот вопрос: как этого достичь? Чтобы довести до такой температуры мозг, пришлось бы охладить до 29° тело. А это весьма опасная грань, за ней всегда таится угроза фибрилляции сердца, когда его мышца начинает «мерцать», неудержимо и вразнобой дергаться. Тут недолго и до беды! Нет, надо пока довольствоваться меньшим.

Патофизиолог профессор Виктор Андреевич Бунов объективно и по достоинству оценил то новое, что принесла с собой в клинику общая гипотермия. Но столь же отчетливо он увидел и ее недостатки. В самом деле, чтобы охладить на несколько градусов кору головного мозга, приходится надолго опускать в ледяную ванну всего больного. Несуразная расточительность! Зачем заведомо и резко ослаблять важные жизненные процессы, подвергать лишним испытаниям печень, почки, эндокринную систему, сердце? Общая гипотермия, по сути, малоуправляемый процесс. Даже после того как больного вынули из ванны, тело его еще продолжает некоторое время по инерции опасно охлаждаться, а чтобы повысить его температуру хотя бы на один градус, требуется почти целый час согревания. Наконец, метод этот

применим лишь при плановых операциях, и нему не прибегнешь сразу, в экстренном случае.

Простая житейская логика подсказывала: нелепо погружать во тьму весь дом, если надо погасить свет лишь в одной-единственной комнате. Отдельные экспериментаторы пробовали охлаждать у подопытных животных не все тело, а только голову, но применения в клинике их выводы не получили. Может быть, секрет в несовершенстве методики? В каких-то технических упущениях, досадных просмотрах? А что, если вместо допотопных пузырей со льдом использовать современную технику?

Руководитель Института клинической и экспериментальной хирургии академии Б. В. Петровский поддержал новое направление исследований, привлек в помощь врачам квалифицированных инженеров — знатоков холодильного дела. Вскоре в патофизиологической лаборатории один за другим появилось несколько довольно сложных аппаратов, позволявших автоматически поддерживать в шлеме заданную температуру.

Начались поиски и сопутствующие им маленькие радости и длительные огорчения: ведь уравнение состояло из очень многих неизвестных. Надо было познать и заново осмыслить закономерности, с которыми так вплотную исследователи еще не сталкивались. Из учебников физиологии всем известно, что после 4—5-минутного кислородного голодания клетки коры головного мозга погибают. Аксиома! Но вот в очередном эксперименте на голову собаки надевают холодильный шлем и подвергают мозг 30-минутному испытанию на отсутствие кислорода. Что за наваждение! После согревания бесчувственное тело жило, нормализовалась электроэнцефалограмма, животное вело себя так, словно ничего с ним и не было. Одна собака сменяет в станке другую, экспериментаторы доводят время кислородного голодания мозга до 40, до 50 минут — неслыханные сроки! А животные после длительных сеансов черепно-мозговой гипотермии оживают.

Буков утрачивает покой. Он чувствует, что «ниточка» нового бьется, пульсирует у него в руках, но десятикратно, стократно перепроверяет каждый свой вывод, пытается понять суть каждой неудачи, секрет каждого успеха.

За экспериментами в патофизиологической лаборатории внимательно и заинтересованно следит еще один человек — заместитель директора института профессор Глеб Михайлович Соловьев. Отличный хирург, тонкий мастер сложных и смелых операций на сердце, он отчетливо понимал, что в случае успеха принесут работы Букова в сердечную хирургию. По самым скромным подсчетам, в стране сотни тысяч людей нуждаются в исправлении врожденных и приобретенных дефектов сердца. Каждая такая операция с использованием АИКа требует около пяти литров крови — значит, нужна многомиллионная армия постоянных доноров! Даже в тех случаях, когда сама операция произведена безукоризненно, освоение измененной, временно не свертывающейся крови — всегда серьезная дополнительная нагрузка для организма.

С помощью младшего научного сотрудника В. И. Виноградова Буков настойчиво отрабатывал методику эксперимента, а вместе с главным конструктором О. А. Смирновым и инженером В. П. Даниловым терпеливо «доводил» последнюю конструкцию портативного, действующего по заданной программе электронного охлаждающего устройства. Новый шлем позволял охлаждать голову собаки не только до заветного 31°, но и гораздо ниже — до 26°, даже до 20°. В таком состоянии коре мозга требовалось менее 12 процентов изначального кислородного «пайка» и она без вреда для себя обретала невиданную стойкость против кислородного голодания — более чем на 40 минут! Но холодная кровь из мозга возвращалась в тело и вторично его охлаждала. Как защитить сердце, легкие, почки, печень? Задача казалась неразрешимой. В самом деле, надо было добиваться прямо противоположных результатов: одновременно охлаждать мозг и утеплять тело!

Решение оказалось подкупающе простым — грелки! Наполненные горячей водой, они верно служили науке и подопытным собакам. Те отлично переносили долгие сеансы глубокого охлаждения мозга и потом весело резвились, словно ничего и не было. Но исследователей раздражала необходимость пользоваться параллельно чутким электронным шлемом и неуправляемыми резиновыми грелками — все равно что зажигать газовую плиту искрой, высеченной из камня! И снова сказал свое слово симбиоз медицины с техникой, в лаборатории появился автоматический термограф. Буков мог теперь повернуть два-три краника и быть уверенным, что шлем точно до заданных пределов охладит мозг, а электрические грелки так же скрупулезно сдозируют тепло для внутренних органов.

Оставалось сделать самый ответственный и трудный шаг — из лаборатории в клинику, от подопытных животных к человеку. И сделать этот шаг решил профессор Глеб Михайлович Соловьев.

* * *

...На ладонях у Рышкина замерло лишенное крови сердце ребенка. Как по стоячей воде после брошенного камня, по нему пробежала еле приметная, затихающая волна. В операционной, кажется, стало еще тише. И только нестерпимо гулко сверлит уши металлический звук секундомера. Он словно подстегивает, торопит: скорей... скорей... скорей. На столе Алеша Алексеев из третьего класса московской школы, а внизу, в приемной, растерянная от неизвестности мать.

Снова начинается по-военному отрывистая перекличка врачей: «Давление?» «Нолевое». «Пульс?» «Нет!» «Энцефалограмма?..»

Я вижу через чье-то плечо, как безвольно тянут самописцы по графленой ленте унылую, безжизненную прямую линию.

Рышкин захватывает крековыми щипцами кромку еще теплого сердца, и оно будто сжимается в предчувствии острой боли. Властно движется скальпель, и за ним алеет кровавая полоса разреза. Шипят, захлебываются воздушные отсосы. И вот уже полость сердца пуста. Откуда-то изнутри хирург подтягивает стенку предсердия, в ней зияет дыра — то самое роковое соустье, сквозь которое ежеминутно убегало 8,6 литра крови. Хирург протягивает вверх руку, сестра вкладывает в нее изогнутую иглу, и он по-портновски, аккуратно ушивает отверстие: стежок — и подтянул нить потуже, еще стежок — еще подтянул... Подумать только: за один лишь сутки сердце должно сделать до ста тысяч биений! За год оно должно «перекачать» 3,5 миллиона литров крови — целых 1400 цистерн! Но Рышкин уверен в добротности своей работы, он старательно «заделывает» теперь разрез на предсердии сначала ровным, двухрядным швом, затем еще прочным, обвивным. Кажется, все! На какое-то мгновение он останавливается, чуть даже откидывается назад, чтобы лучше все охватить, поднимает глаза на Соловьева и, получив немое «Добро!», командует:

— Отжать верхнюю полую вену!

— Отжать нижнюю!

Под напором изнутри вены набухли, струя крови устремилась в сердце, и оно затрепетало, задергалось: раз! раз! раз! Запрыгали на бумажной ленте самописцы электроэнцефалографа, вычерчивая веселую кривую. Ожил мозг!

Но что это? Почему так конвульсивно пляшет световой «зайчик» на экране электрокардиографа?

— Тахикардия! — бросает Бобков.

Все мигом оборачиваются. Неужели неудача? При тахикардии неестественно часто бьется, «сбоит», трепещет сердце, и трудно бывает умерить, «остепенить» его. В чем же все-таки дело? Зольников судорожно скользит глазами по своим приборам. Альбина Афанасьева молниеносно проверяет артериальное давление. Застыли в неподвижности хирурги, готовые к мгновенному действию.

Так вот он каков, первый шаг из лаборатории в клинику. Там эксперименты — удачные или менее удачные, а тут... Алеша Алексеев, русоголовый девятилетний мальчик.

— Синусовый ритм восстановился! — чуть сдавленным голосом сообщает наконец Бобков. И успокоительно кивает головой: полный порядок!

Часы показывают 12.30. Значит, я простоял здесь целых два с половиной часа, но именно последние мгновения показались мне самыми долгими.

* * *

...Сегодня пятый день после операции. Поднимаюсь вслед за профессором Буковым на второй этаж, в палату № 19. Какое он там, Алеша?

Большая, светлая комната — ряды кроватей, сестры.

— Кто здесь Алексеев?

— Я Алексеев! — бойко отзывается сидящий в постели веселоглазый парнишка, со смешно торчащим вверх пучком непокорных волос.

— Ну и как?

— Хорошо!

— Эти все ведут себя отлично, — вмешивается в нашу беседу дежурная сестра, — ни тошноты, ни боли, просто радость с ними...

В палату ввозят на каталке нового больного. Он тоже в отличном настроении, лежит и пощелкивает пальцами. Знакомимся: Вова Царев. Его оперировал профессор Соловьев на следующий день после Алеши. Порок был сложнее, пришлось дважды останавливать и дважды запускать сердце. И вот пожалуйста, на четвертый день Вова бодро прищелкивает пальцами.

— Первой была Таня Сараева. Ее оперировал Глеб Михайлович Соловьев, — вспоминает Буков. — Заглянул к ней через декаду после операции — нет на месте. Что такое? Куда девалась? Телевизор пошла смотреть...

Антонис Ван-Дейк

Н. ГЕРШЕНЗОН-ЧЕГОДАЕВА,
доктор искусствоведения

Проходя по картинной галерее Государственного Эрмитажа, зритель невольно задерживается перед одной из картин во фламандском зале, привлекающей внимание особой красотой изображенного на ней человека, изяществом композиции и тонкостью колористической гаммы. На табличке под картиной начертано: «Антонис Ван-Дейк. 1599—1641. Автопортрет».

Красавец юноша, одетый в нарядное платье, стоит в небрежной, элегантной позе. У него выхоленное лицо и тонкие руки, вьющиеся волосы обрамляют высокий лоб. Глаза умно и ласково смотрят на зрителя. Правой рукой он опирается на постамент колонны, левая эффектным жестом положена на бедро. Дорогой шелковый костюм мягко драпируется на его фигуре; весь облик этого человека проникнут артистизмом и утонченным благородством. Художник словно любуется самим собой; можно себе представить, что, оставаясь наедине с этим изображением, он, подобно Нарциссу, упивался своей красотой. Но сила его как живописца заключается в том, что он и других заставляет любоваться. Красота этой фигуры в сочетании со свободной, уверенной манерой письма и сдержанным темным колоритом придает портрету подлинную изысканность.

Это обостренное чувство изящества и составляет главную особенность таланта Ван-Дейка; но оно не было бы столь подкупающим, если бы ему не сопутствовало реалистическое чутье большого художника. Сочетание изящества и жизненной убедительности образов было тем качеством, которое привлекло к себе сердца современников Ван-Дейка; оно же обеспечило ему многовековую славу одного из величайших живописцев.

Антонис Ван-Дейк, имя которого украшает плеяду блестящих художников Фландрии XVII века, в некотором смысле был удивительным человеком. Как будто предчувствуя свою раннюю смерть, он торопился дать миру все, на что был способен его талант. В 13 лет он уже самостоятельно писал картины, а в 15—16 имел собственную мастерскую в Антверпене, где работал вместе с помощниками. Не достигнув еще 19 лет, он удостоился высокого звания мастера, которое присуждалось художникам, успевшим завоевать безоговорочное признание широких кругов ценителей искусства.

К 1620 году слава молодого живописца вышла за пределы Фландрии. Архивные документы свидетельствуют о том, что произведения Ван-Дейка уже в это время ценились почти наравне с картинами его прославленного соотечественника Петера Пауля Рубенса. В 1620 году он был приглашен ко двору английского короля Якова I для выполнения специального заказа, за который ему была уплачена изрядная сумма.

Начав так рано самостоятельную творческую жизнь, Ван-Дейк с неудержимой энергией принялся за работу. Свойственные ему художественные склонности обнаружились в самых первых его картинах. Молодой живописец сразу определил главное дело своей жизни — овладение мастерством передачи особенностей облика человека. Уже через два-три года его имя числилось среди имен первых портретистов Европы: вся европейская знать начала добиваться чести быть запечатленной кистью знаменитого фламандца.

От первых дней творческой деятельности Антониса Ван-Дейка сохранилось несколько десятков небольших картин с погрудным изображением апостолов. Эти картины, написанные в эскизной, живописной манере, теплыми красновато-коричневыми тонами, имеют характер экспериментальных штудий, где предметом изучения для художника служит голова человека. Ван-Дейк изображал здесь натурщиков молодых и старых, придавая им разнообразные позы, запечатлевая характерные для каждого из них жесты и выражения лиц. Эти первые работы мастера, а также созданные в 1618—1620-х годах картины на библейские сюжеты свидетельствуют о том, что подлинной школой для Ван-Дейка послужили достижения его старших товарищей по искусству — фламандских живописцев, и в первую очередь общепризнанного основоположника художественной школы Фландрии — Рубенса.

Но непосредственным учителем Ван-Дейка был малоодаренный художник, работавший в стандартной, академической манере, Хендрик ван Бален. В его мастерской, куда отец Антониса, многодетный зажиточный антверпенский бюргер, отдал своего десятилетнего сына, юный художник мог позаимствовать только традиционные навыки живописного мастерства. Уже в 17 лет он тесно сошелся с Рубенсом, который, очевидно, быстро распознал незаурядный талант появившегося у него в мастерской юноши. Ван-Дейк не был учеником Рубенса, а почти сразу стал с ним сотрудничать. Известно, что Рубенс поручал ему выполнение одноцветных копий со своих картин с целью их дальнейшего гравирования.

Хотя Ван-Дейк внутренне шел в своих исканиях иным путем, нежели Рубенс, могучий гений великого мастера не мог не оказать на него, как и на всех других фламандских живописцев XVII века, определенного влияния.

Молодой художник учился у Рубенса обнаруживать красоту чувственного мира в каждом явлении жизни. Под воздействием Рубенса овладевал мастерством передачи пространства, умением объемно и весомо изображать предметы, писать в свободной живописной манере. Но мощные, пронизанные стихийным темпераментом образы великого фламандца оказались чужды Ван-Дейку. Его в человеке больше всего привлекали черты внешнего и внутреннего благородства. Собственный тонкий, изящный облик Ван-Дейка словно являлся для художника мерилом той красоты, которую он стремился обнаружить в каждой модели. Работая над портретом или над многофигурной сюжетной композицией, художник в первую очередь подчеркивал изящество форм, грацию человеческих обликов. Подобно талантливому режиссеру, компоновал он строго продуманные красивые группы фигур, подчиняя все построение картины ритму изогнутых линий. Бурный темперамент Рубенса он заменял утонченным лиризмом, здоровую чувственность — хрупкой изысканностью образов.

Свое отношение к миру и к задачам искусства Ван-Дейк ярче всего раскрыл в портретах — той области творчества, где ему суждено было сказать новое слово. В первые годы своей славы, живя в Антверпене, он писал преимущественно людей своего круга — антверпенских бюргеров, просто одетых и не претендовавших на особенный внешний блеск. Как и в ранних фигурных картинах, таких, как «Мучение св. Себастьяна», «Распятие св. Петра», «Взятие Христа под стражу», в этих портретах много теплоты и живописной свободы. В лучших из них Ван-Дейку удавалось создать чрезвычайно гармоничный, целостный образ человека.

Эрмитажный «Мужской портрет», на котором предположительно изображен антверпенский врач Лазарь Махаркейзюс, исполнен мечтательности и грусти. Изящные черты его лица, выразительный взгляд направленных на невидимого собеседника глаз, чуть приоткрытые губы, приветливый жест правой руки — все это передано художником с проникновенным вниманием к особенностям находившейся перед ним модели и с тонким живописным мастерством.

В 1621 году Ван-Дейк поехал в Италию. Он посетил Рим, Палермо и Геную. В последнем городе художник остался на несколько лет. Здесь в то время находилась большая колония его соотечественников, главным образом фламандских купцов, ведших торговлю с Генуей. Ван-Дейк поселился у фламандского живописца и торговца картинами Корнелиса де Валя, который ввел его в аристократические круги генуэзского общества, познакомив с наиболее видными семействами города, его будущими заказчиками и ревностными поклонниками.

Генуэзский период биографии мастера, продолжавшийся с 1621 по 1627 год, оказался особенно плодотворным для его искусства. В это время молодой живописец пережил подлинный творческий взлет. Трудно себе представить, каким образом он смог создать те многие десятки превосходных картин, которые датируются этим промежутком времени.

Успевший на родине пройти великолепную художественную школу и сформироваться в самостоятельного, владевшего виртуозным мастерством живописца, Ван-Дейк естественно и легко воспринял и претворил в своем творчестве впечатления от итальянского искусства. Особенно близкими оказались для него достижения поэтической, красочной венецианской живописи. Традиции полнокровного, напоенного горячим дыханием жизни фламандского искусства органически слились в его творчестве с элементами венецианского колоризма.

Антонис Ван-Дейк. 1599—1641. АВТОПОРТРЕТ.
Ленинград. Государственный Эрмитаж.

Антонис Ван-Дейк. ОПЬЯНЕННЫЙ СИЛЕН. Дрезденская галерея

Как раз в эти годы, в период своего пребывания в Генуе, Ван-Дейк выступил в роли создателя портретного изображения, впоследствии пришедшего на смену барочному портрету Рубенса и Бернини. Под его кистью сложились основные признаки портретного искусства, получившие через несколько десятилетий после его смерти общеевропейское распространение. Достижения юного мастера, с особенной ясностью определившиеся во время его работы в Италии, в дальнейшем были подхвачены и развиты портретистами Англии, Франции, Германии, России. Найденные им приемы изображения человека сыграли роль отправной точки для работы сотен портретистов разных стран на полтора столетия вперед. Внутреннее чутье художника, его способность интуитивно ощущать запросы века обеспечили ему широчайшую популярность, особенно в среде европейской знати, бывшей в то время законодательницей художественных вкусов.

В Генуе Ван-Дейк переписал десятки людей, принадлежавших к высшим кругам общества. В наиболее удачных его портретах этого периода аристократизм моделей трактовался не только как изысканность внешнего облика человека, но и как внутренняя утонченность.

В портретах Ван-Дейка выработался особый тип стройной фигуры с холеными руками и тонким лицом. Никто не умел поставить модель в такую изящную позу, так красиво расположить складки нарядного платья или декоративных драпировок. Ван-Дейк писал высоких молодых женщин в длинных платьях с большими воротниками, наподобие рамок оттеняющими бледные лица. Фоном служат колонны и балюстрады итальянских вилл, где жили эти нарядные дамы.

Художнику в такого рода изображениях не всегда удавалось избежать известной доли условности и однообразия, но в некоторых случаях он создавал образы, исполненные подлинного благородства и подкупающей грации («Портрет маркиза Дураццо», «Портрет кардинала Гвидо Бентиволио», «Портрет так называемого Лукаса фон Уффеля»).

Одним из высших достижений Ван-Дейка в области портретного искусства явилась серия изображений фламандских живописцев, выполненная им по возвращении в Антверпен. Сама задача диктовала ему определенные художественные приемы. Эти портреты полны жизни. Усталый, болезненный Снейдерс, щеголеватый Снайерс, добродушный Гаспар де Крайер, бесшабашный Броувер охарактеризованы с равной реалистической остротой. Эти работы, находящиеся в музеях Европы, показывают, что художник в совершенстве владел мастерством расположения фигур в пространстве, блестяще писал человеческие лица, не знал трудностей в передаче их неповторимых признаков. Краски, сдержанные в своих оттенках, нанесены кистью художника широкими мазками, уверенно и смело обрисовывающими форму предметов.

В 1632 году Ван-Дейк был вторично приглашен в Англию, ко двору английского короля Карла I. В Лондоне его встретили с величайшим почетом. Он удостоился звания придворного художника, был награжден дворянским титулом и золотой цепью рыцаря. Ему был положен годовой оклад, в десять раз превышавший оплату труда его предшественника — придворного живописца Даниеля Мейтенса. Сам король посещал его мастерскую.

Находясь на вершине своей славы и во всеоружии мастерства живописца, Ван-Дейк в Англии начал расточительно расходовать свои творческие и физические силы. Он работал одновременно над несколькими портретами, привлекая к участию помощников, которые в мастерской дописывали одежды и руки со специальных натурщиков. Женитьба на вышедшей из опальной аристократической семьи, но воспитанной при английском дворе Марии Рутвен открыла перед художником двери в высший свет Лондона. Избалованный успехом, честолюбивый художник едва успевал справляться с бесчисленными заказами. Невольно он начал повторяться в своих художественных решениях, отыскивая универсальные приемы построения парадного портрета. Если уже в предшествовавшие годы в его искусстве наметились признаки определенных норм блестящего, эффектного и внутренне опустошенного изображения аристократической модели, то теперь он стал все чаще прибегать к разработанной заранее системе средств художественного выражения, создавая скучные, построенные по одному шаблону портреты.

В то же время от английского периода жизни Ван-Дейка сохранилось несколько великолепных картин, вошедших в число работ, прославивших его имя в истории: «Портрет Филиппа Уортона», «Портрет Карла I с лошадью», «Портрет детей Карла I».

Неоднократно высказывавшееся в литературе мнение о том, что, уехав в Лондон, Ван-Дейк навсегда порвал с Фландрией, не соответствует действительности. Напротив, его постоянно влекли на родину разнообразные деловые интересы, дружеские связи и родственные чувства. Там жили его сестры и его незаконная дочь, о которых он заботился. Там осуществлялось затеянное им еще до поездки в Англию издание гравированных портретов знаменитых людей его времени. Он дважды на долгий срок уезжал во Фландрию.

К 1640 году жизнь в Англии в значительной мере утратила для художника интерес. Там назревали грозные политические события, предвещавшие английскую революцию, и король не имел возможности по-прежнему тратить большие суммы на оплату художественных заказов. Английский двор вынужден был покинуть Лондон.

Последняя поездка Ван-Дейка за границу состоялась весной 1641 года, когда он вместе с женой отправился в Париж, рассчитывая получить заказ на украшение галереи Лувра росписями. Однако этот заказ не был осуществлен, и художник вновь вернулся в Лондон; по случаю свадьбы дочери Карла I Марии с Вильгельмом Оранским ему был заказан портрет новобрачных. Сохранилось известие, что мастер намеревался сам отвезти эту картину в Голландию, а вслед за тем, по-видимому, навсегда вернуться во Фландрию, где ему представлялась возможность занять место первого живописца Антверпена после смерти Рубенса, последовавшей в 1640 году.

Но судьба распорядилась иначе. В Лондоне Ван-Дейк заболел и 9 декабря 1641 года скончался 42 лет от роду. 11 декабря он был торжественно похоронен в хоре лондонского собора св. Павла.

Максим КУСУРГАШЕВ

Я открываю Подмосковье

* * *

Прозрачным дымом папиросным
Плывет в полях морозный чад.
К обрыву прислонившись, сосны,
О чем-то думая, молчат.

Свернувшись до поры в сугробы,
Метели дремлют, а кругом
Сыпучим, чистым, лучшей пробы
Леса сверкают серебром.

И я, как в сказке настоящей,
Под ноги кинув колобок,
Бреду за ним по синим чащам
Без провожатых, без дорог.

Пробравшись в дальнее зимовье,
Из-под руки вперед взгляну.
...Я открываю Подмосковье,
Как неизвестную страну.

Так, словно мне совсем неведом
Раскинувшийся рядом край.
Как будто бы за мною следом
Спешит Ермак, идет Маклай,

А до меня никто ни разу
Здесь не ходил и не бывал,
Как будто даже краем глаза
Никто здесь раньше не видал

Сторожки этой, стежки зимней,
Что убегает в глубь страны,
Одетой в зябкий, легкий иней
Лесной дрожащей тишины,

В кружок собравшихся к полянке,
Чтоб ветер не достал, берез,
Которым снежные ушанки
Надвинул на глаза мороз,

Зари, слезящейся от стужи,
Румянцем тронутый закат...
О, как нам всем порою нужен
Первопроходца зоркий взгляд!

ДОЖДИ

Весной дожди с задорным нравом.
Их в лености не упрекнешь.
Они до блеска моют травы
И поднимают к солнцу рожь.
То, заблудившись в гуще вяза,
В окно тихонько постучат
И мимоходом горсть алмазов
На задремавший бросят сад.
То, силы пробуя, игриво,
Отвагой юною полны,
Так разойдутся, что с обрыва
Летят седые валуны.
А успокоившись немного,
Возьмут и в несколько минут
Над непросохшею дорогой
Мост семицветный возведут.
...Весной дожди светлы, шумливы.
В них что-то есть от детских слез,
И нет надменности спесивой
И ярости июльских гроз,
И нет еще того упрямства,
Той стариковской воркотни,
Какую с редким постоянством
Заводят осенью они,
Когда уныло тянут, тянут
Дожди из туч за нитью нить,
Не в силах больше громом грянуть
И радугою удивить.

ЧЕРЕМУХА

Она всю весну терпеливо копила
Весенние соки, по капле вбирая,
Храня до поры прибывавшие силы,
Бродившие в ней, словно брага хмельная,
Чтоб утром однажды, не вправе таиться,
Вдруг вспыхнуть внезапно, как белое пламя,
И в чаще сверкнуть озорною зарницей,
Осыпав к рассвету все ветви цветами.
И встать неподвижно, не смея измять их,
Как в зеркало глянуть в темнеющий омут.

О, как ей к лицу подвенечное платье!
О, как невтерпеж убежать ей из дома!
Но время плывет, не спеша, как дремота,
Черемуха вянет, темнеет и все же
Стоит и молчит, ожидая кого-то,
На девичью грустную песню похожа.

ТРОПИНКА

То в лесу петляя робко,
То по полю прямиком
Легкомысленная тропка
Убегает босиком.

И торопится по росам
Дальше, дальше от села,
Как девчонка, что без спроса
На свидание ушла.

Без раздумий, без оглядки —
Не вернули бы домой!—
Пробирается украдкой
За околицей чужой.

Через светлую поляну
Пронесется во всю прыть,
Завернет к реке туманной
Ноги пыльные обмыть.

И, прикрыв зарею плечи,
Вновь бежит, не чуя ног,
По лугам навстречу встречам,
Улыбаясь озорно!

ТАИНСТВЕННЫЙ ДОМ

Рассказ

Юрий НАГИБИН

Рисунки П. КАРАЧЕНЦОВА.

Многих жителей древней японской столицы волновало, кто унаследует господину Ито, тихо угасавшему от старости и недугов в своем красивом и пустынном холостяцком доме. Господин Ито был менялой и, подобно всем менялам, еще и ростовщиком, ссужавшим деньги под проценты, принимавшим в заклад драгоценные камни, изделия из золота и серебра. Господин Ито был богат, но не так богат, как иные его коллеги, он был человеком справедливым и не слишком прижимал своих должников.

За несколько дней до кончины к умиравшему явились двое: старик и юноша. Они пробыли с господином Ито до последнего его вздоха, закрыли ему глаза, с подобающими почестями предали тело земле, затем старик уехал, а юноша остался. Это и был наследник. Акира Кавашима, так его звали, приходился внучатым племянником покойному меняле.

Видимо, этот сухощавый, молчаливый, с потупленным взором юноша, не достигший двадцати лет, хорошо усвоил немногие уроки, преподанные ему умирающим. На удивление всем, он повел дело твердой, умелой рукой, но так же совестливо, как его двоюродный дед.

Акира Кавашима не завоевал сердец сограждан, подобно умершему. То ли он был лишен благостного дара общения, то ли в необъяснимой гордости пренебрегал окружающими. Старик мог и пошутить с клиентом, мог добро и устало улыбнуться, спросить о здоровье и даже угостить рюмкой сакэ после выгодно совершенной сделки. Его наследник не переступал пределов ледяной деловитости. Он сидел в своей конторе, пря-

мой, будто меч проглотил, и тонкая кожа век туго обтягивала глазное яблоко, оставляя лишь внизу узкую щелочку. Но этот полуспящий взгляд был зорок, как у сокола. Его пальцы, такие длинные, что казалось, они наделены лишним суставом, сухие и сильные, бережно, ласкающе касались весов, на которых взвешивают золотой песок и слитки, пузырьков с ядами, необходимыми для определения достоинства драгоценных металлов, высоких стопок монет разных стран и тонкой

кисточки, какой он подписывал деловые бумаги, беспощадные, как судьба. Если клиент начинал спорить, он замирал, словно Будда, налив тело недвижностью, положив руки на колени и смежив веки, лишь чуть приметный трепет ресниц выдавал кипящее внутри него чувство. Если же клиент переступал границы вежливости, он медленно протягивал руку, брал золотой и сгибал его мгновенным жутковатым движением пальцев: большого, среднего, указательного. Обычно спорщик тут же замолкал.

О нем ходили странные слухи. Как-то ночью несколько молодых самураев, выпивших слишком много сакэ, увидели на глухой улице возле монастыря его одинокую фигуру. Решив напугать чваного меняла, они с громкими криками кинулись на него, потрясая оружием. Акира Кавашима шагнул за угол монастырской стены и вмиг исчез. Запоздившийся монашек уверял солдат, будто только что видел, как по высокой белой гладкой стене прополз гигантский черный жук и скрылся по ту сторону.

Пугало людей и его умение подойти так незаметно, что, казалось, он возникал из воздуха. И ему дали прозвище «ниндзя», что значит человек-невидимка.

По народному поверью, ниндзя владеют даром незримости, способностью проникать сквозь стены, взбираться по отвесным кручам, двигаться со скоростью, недоступной человеку, они умеют дышать под водой, плевком убить неприятеля, освобождаться от любых оков; острейший слух позволяет им подслушивать тайные сговоры, а кошачье зрение — видеть в кромешной тьме.

Но как бы удивились жители столицы, если б узнали, что юный меняла Акира Кавашима и в самом деле ниндзя!

Его отец, и дед, и прадед, и прапрадед были ниндзя. Их клан обитал в лесах центрального Хонсю, и в каждой семье от отца к сыну передавалось окруженное строжайшей тайной, овеянное легендами древнее искусство ниндзюцу. Мальчика тренировали и школили с десятилетнего возраста. Его обучали терпению: ниндзя должен уметь часами сохранять неподвижность камня, сутками отсиживаться под водой, дыша сквозь бамбуковую трубочку или полые ножны меча; он должен уметь задерживать дыхание, как самый выносливый искатель жемчуга. Мудро и жестко тренировали его тело и все органы чувств, доводя их до того совершенства, каким они обладали, пока человек не развратился в излишествах и лени.

В семнадцать лет Акира Кавашима был хозяином своего тела, он мог вынуть из суставов фаланги пальцев, потом кисть, локоть, плечо. Рука становилась словно пояс халата, хоть узлом связывай. Разняв себя таким образом, ему ничего не стоило высвободиться из кандалов и пут, пролезть в игольное ушко. Акира безукоризненно владел неслышной поступью ниндзя, когда, быстро и плавно переставляя ногу за ногу, скользишь, словно по гладкому льду. Он научился бесшумно просовывать в чужие двери слуховую трубку из бамбука, снабженную раздвижным «лепестковым» раструбом. Научился карабкаться по отвесным стенам с помощью веревки, снабженной крюком. Научился двигаться в темноте, осязая окружающее длинным щупом, и, обнаружив врага, поражать его «плевком дракона» — отравленной иголкой, которую он с силой выдувал из трубки щупа.

Он умел принять удар меча пястьем, заключенным в особый браслет, и, защемив лезвие, одним движением обезоружить противника и тут же другой рукой, вооруженной кастетом «тигриная пасть», разорвать ему висок.

Он с гордостью и изяществом носил нелепую, на взгляд непосвященного, боевую одежду ниндзя: черный бесформенный балахон с капюшоном. Балахон этот, лишая человеческую фигуру привычных очертаний, делает ее неприметной.

Сейчас клан ниндзя находился в упадке. В пору кровавых феодальных распрей, борьбы за верховную власть клан, постоянно призываемый то одной, то другой враждующей стороной, процветал. Но с тех пор, как род Токугава, обязанный ниндзя своим торжеством, твердой рукой взял власть в стране, для клана настали черные дни. Конечно, и сейчас невидимок использовали на войне в качестве лазутчиков, шпионов, разведчиков, обращались к ним и знатные лица с разными деликатными поручениями, но это не шло ни в какое сравнение с героическим прошлым. И все же клан свято берег свое искусство, уповая, что еще придет пора расцвета.

Когда умер богатый меняла, отказав свое имущество внучатому племяннику, клан приказал юноше продолжать прибыльное дело, чтобы по мере надобности оказывать родичам денежную помощь. Ему мучительно не хотелось менять лесное приволье на скучную сидячую городскую жизнь, но повиновение — столь же непреложный закон клана ниндзя, как и соблюдение тайны. Нарушителю — смерть.

Акира тосковал в городе. Как прекрасно было просыпаться под шорох ветвей, вдыхать нежно-влажный от росных испарений лесной воздух и сладко чувствовать свое освеженное сном и уже тоскующее по жестким упражнениям тело! Как прекрасно было, умывшись ключевой водой и поев риса, вступать в день, наполненный истинно мужским трудом нападения и защиты, бороться, драться на мечах, стрелять в цель, бегать, прыгать, карабкаться по кручам скал!..

В городе ему все было чуждо. Он не любил ни своего опрятного, прохладного, но тесного, как клетка, дома, ни сада с обязательными куртинами, декоративным кустарником, родником и неизбежной каменной вазой,— строго вычисленный беспорядок, дарующий горожанину мнимое причастие к девственной природе. Он не любил прикасаться к деньгам и старался не глядеть в жадные, заискивающие, несчастные лица своих клиентов. У него не было точек соприкосновения с согражданами, кроме деловых. Он не пил, не курил, презирал липкую, профессиональную нежность гейш, без судороги отвращения не мог думать о ласках продажных женщин. Он был равнодушен к искусствам и к богу, не посещал храма. Поэзия его жизни была в другом — защита-нападение.

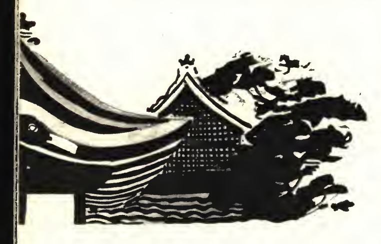
Он жил так, будто его посадили под воду с тоненькой дыхательной трубкой, едва дающей воздух легким, и не на часы, дни или даже годы, а навсегда.

Но он должен был терпеть свою участь, ибо терпение входит в статут ниндзюцу. Он нужен клану здесь, и, сжав темные губы, затянув тонкими, как птичья пленка, веками шоколадные глаза, он терпел свой искус.

Ему следовало позаботиться о безопасности. Никакие приемы не помогут ему в малом пространстве дома, если на него нападут. А напасть могут, чтобы ограбить и чтобы просто оскорбить, насмеяться: ведь его ненавидели. Он чувствовал это тонким холодком по коже. И он решил превратить свой дом не в крепость,— о нет, какой крепостью может быть жилище из дерева и бумаги? — а в гибельную ловушку для всякого, кто осмелится проникнуть сюда незваным. Он погрузился в расчеты и чертежи. Ниндзя Кавашима, живя замкнуто и одиноко, мало знал людей, поэтому он не мог знать и самого себя. Его не удивило, что в неправдоподобно короткий срок он стал отличным финансистом и повел дело своего родственника так, будто прошел специальную школу. Без малейших сомнений и колебаний поставил он себе сложнейшую строительную задачу, для которой требовалось серьезное образование, долгий опыт, воспитанный старшими талант. Он наивно полагал, что должен уметь делать все, что делают другие люди.

Не меняя ничего во внешнем рисунке дома — он хотел, чтобы его намерения остались втайне,— Кавашима стал перестраивать его изнутри. Прежде всего он обеспечил себе бегство — и для спасения и для замана. Он создал третий этаж под самой крышей и систему люков, дающую возможность без лестниц вмиг соскользнуть с верхнего этажа в подвальный. Здесь он вырыл погреб — тайник. Часть дома он снабдил двойными стенами,

куда упрятал лестницы, в коридоре настелил вибрирующие, «поющие» полы, и это было единственным, что не принадлежало его собственной фантазии. Поющие коридоры существовали в домах многих феодалов, справедливо опасавшихся нападения. Он сделал фальшивые двери, за которыми зияли провалы, и настоящие двери, скрытые в стене. В пересечении коридоров он постелил циновки, под которыми ночью распахивались колодцы. На дне каждого колодца острием вверх торчал двулезый меч. Дверные притолоки рушились на голову непрошеному визитеру, раздвижные стены подымали трезвон, стоило к ним прикоснуться. Он работал один, без помощников. Два года по ночам перестраивал он свой дом, решая архитектурные и технические задачи, способные поставить в тупик крупнейших знатоков зодчества и механики. Но в

своем неведении, усилием воли, разума, инстинкта, нечеловеческим упорством, терпением и сосредоточенностью ниндзя он сотворил архитектурное чудо, которому суждено было через века удивлять и восхищать посетителей. Подобное можно было сделать, лишь не догадываясь об ограниченности человеческих возможностей.

Заблуждался он лишь в одном, что люди ничего не знают о его работе. Бог весть как, но все жители столицы проведали о доме-ловушке, и не было здесь вора, грабителя, любителя дерзких авантюр, который рискнул бы посягнуть на покой ниндзя.

Отстроив дом, Акира Кавашима женился. Он взял дочь писца, жившего по соседству. Она была ничуть не лучше, но и не хуже многих девушек квартала: свеженькая, ласково улыбающаяся, с крошечными руками. Акира выбрал ее, потому что она была из бедной семьи, и ему не грозил отказ. В течение трех лет жена принесла ему трех дочерей, и Кавашима, мечтавший о сыне, затосковал еще сильнее. Сыну, мужчине, он мог бы передать свое втуне пропадавшее искусство, а что ему делать с дочерьми?

По ночам, гонимый тоской, он покидал жену и начинал бродить по дому. Он доставал из тайника черный балахон и набрасывал на себя. Прохладная шелковая ткань приятно касалась обнаженного тела. Он крался по коридору, и поющие доски молчали—так воздушен был его семенящий шаг. Мягким, кошачьим прыжком переносил он себя через отверстые люки, молниеносно угадывая их носком выдвинутой вперед ноги. Эти защитные действия рождали ощущение смутной тревоги, постепенно обретавшей четкий образ притаившихся поблизости врагов. Да, они были рядом, он слышал их сдавленное дыхание, угадывал сжавшиеся в комок тела, до дрожи отчетливо представлял, как потеют ладони, сжимающие рукояти мечей, и сам покрывался легкой испариной. И вдруг, повинуясь внутреннему толчку, кидался в бегство. Он носился по этажам, проскальзывал в люки, съезжал по гладким столбам, взбегал по тайным лестницам, вжимался в стены, распластывался на полу.

Игра увлекала его. Теперь, выходя на свои ночные странствия, он вооружался кинжалом, веревкой с крюком, кастетом «тигриная пасть». Он мог взлететь к потолку и повиснуть там летучей мышью, мог с разбегу перемахнуть через ширму, кинуться в колодезь навстречу двулезому мечу и в последний миг, зацепившись крюком, повиснуть на волосок от гибельного острия. Игра обретала риск, он ощущал резкие, сильные толчки крови в жилах и радовался этой подделке под опасность и жизнь.

Затем, спрятав балахон и боевое снаряжение в тайник, возвращался к жене. Она спала тихим сном, высоко держа маленькую, красиво причесанную голову на деревянной скамеечке. Он брал ее спящую, почти любя за безответность, покорность, за то, что она ни о чем не догадывается, даже об этой вот близости. Но она не спала, лишь притворялась спящей, угадывая, что ему это нужно. Она все знала о его ночных метаниях по дому в черной страшной одежде, об этих яростных вспышках, продолжавшихся дрожью в его узком, сильном, горячем теле, и понимала, что живет с дьяволом. И девочка-женщина с фарфоровым личиком, ласковыми губами и крошечными, слабыми ручонками чувствовала свою избранность. Часто ли на долю женщины выпадает любовь дьявола? Она сознавала безмерность своей греховности и, набожная по природе, перестала молиться и ходить в храм. Ей нет и не будет прощения. Но ни на какие дары небес не променяла бы она короткие, жесткие ласки и поцелуи сухого, горького рта.

Нельзя вечно пить из чаши самообмана. Акира Кавашима страстно мечтал о нападении, так хотелось проверить ему себя и свой дом. Он молил судьбу, чтобы враги его исполнились отваги, неодолимой алчности, самозабвенной дерзости. Ему нужно было чувство истинной опасности, как измученному жаждой глоток воды. И ему нужна была победа, настоящая, не воображаемая, когда, наметавшись призраком по дому, обманув воображаемых врагов, он, пустой и разгоряченный, медленно стягивал балахон. Хоть бы капелька крови пролилась, капелька горячей, солоноватой, липкой живой крови!..

Его начинал раздражать тот неуловимый человек, которым был он сам. Ведь ниндзя — это не только защита, но и нападение. И порой во время своего бегства от несуществующих врагов он из беглеца превращался в преследователя. Он сам хотел догнать и поразить черный призрак. Ему казалось, что вот-вот он его настигнет, за тем углом, на той лестнице, в том коридоре. Все быстрей, неистовей становился гон, он выхватывал меч — никого, невидимка снова ускользнул. И он чувствовал унижение. Как тягостно человеку быть и оленем и охотником в одном лице! Он почти ненавидел себя.

Ни с чем не сравнимая тревога охватывала его в дни полнолуния. Огромное оранжевое

светило, не дождавшись угасания зари вечерней, всплывало над холмистым горизонтом, кидая на землю струистый, таинственно-тусклый свет, и на улицах появлялась процессия празднично разодетых, сонных, немного испуганных детей, ведомых священниками в пышном облачении. В центре шествия валко двигалась колесница, запряженная жемчужно-палевыми коровами с маленькими тупыми мордами. В ребра ему вступало сладкое, щемящее возбуждение. Увлекая за собой весь город, процессия проходила мимо его дома, держа путь к городскому озерцу, где детей поджидали украшенные разноцветными фонариками корабли. Луна оставалась единственным властелином города. Она быстро, зримо глазу подымалась ввысь, стеклянно зеленея и наполняя сад своим острым, холодноватым светом. Тени резко очерчивались, наливались черной тушью и обретали странную подвижность. Каждый порыв ветра вызывал в саду лихорадочное мелькание теней, отзывавшееся в доме прострелами лунных бликов. И это доводило его трепет, его мучительную и сладкую тревогу до исступления. Ведь каждая тень — он-то знал это — могла укрывать врага, могла стать врагом, прикинувшимся тенью.

В одну из таких ночей напряжение жизни и неутоленность стали невыносимы. Он вдруг понял, что ему некого бояться, кроме самого себя, и повел игру в открытую. Раздвинув сёдзи, он впустил луну во все этажи своего дома. И с луной вошла его тень и легла на белую плоскость стены. Он двинулся вперед, тень скользнула ему за спину. Он приник к стене, тень исчезла, он кинулся вперед, тень ринулась обочь по светлой ширме. И тогда он бросился в погоню за своей тенью. Никогда еще шаг его не был столь воздушен, стремителен, упруг, никогда еще не швырял он себя с такой легкостью вверх и вниз, никогда еще не владел так полно своим совершенным телом. То, что прежде томило его мучительной раздвоенностью, сейчас обернулось счастливым двуединством: щит и меч, олень и охотник...

Вверх и вниз, вверх и вниз, бесшумно по певучему коридору, взлет по стене, соскольз в нижний этаж, промельк в узкую щель, прыжок в люк к последнему пределу. Падая в провал ловушки, он отшвырнул прочь веревку с крюком. Без нее отсюда не выбраться, крика никто не услышит, а домашние ведать не ведают о существовании тайника. И он рассмеялся, торжествуя победу над собой. Затем выхватил короткий меч, круговым движением вспорол себе живот и услышал, как шмякнулись на пол внутренности. Он не понял, что падает, он лишь увидел, что тень исчезла со стены...

...Мы ходим по дому, сохранившемуся в неприкосновенности с той давней поры, когда его строитель проносился черным привидением по комнатам, коридорам, лестницам, тайникам. Все так же ярок лак на лестничных ступеньках и перилах, на рамах раздвижных стен, так же туги и чисты сёдзи, свежи бумажные ширмы. Коридоры все так же подают негромкий сигнал тревоги, едва к ним прикоснется нога, нежданно разверзаются пропасти, возникают скрытые за перегородками лестницы, распахиваются этажи, которых нипочем не угадаешь снаружи. Нас ведет миловидная девушка в синей юбке и белой кофточке. Скромно-радостная улыбка ненароком расцветает на ее красивых, нежно припухлых губах. Это служащая бюро путешествий, гид и хозяйка таинственного дома, которым она владеет сообща со своим дядей. Оба они потомки ниндзя Акира Кавашима. Дядя ее священнослужитель, тихий, кроткий человек, он любит уединение, молитву и старается не встречаться с посетителями дома-музея.

Но мы все-таки смутно приметили этого застенчивого человека, когда на выходе замешкались с переобуванием. Темным облачком, неясной тенью промелькнул он из молчавшего на этот раз коридора в молельню, вдруг возникшую в стене золотым телом Будды, дрожащим пламенем светильников, чадом курений и сразу сгинувшую.

Что это — смиренная манера служителя церкви, желающего умалиться до незримости, или что-то наследственное?..

Киото—Токио.

СИБИРСКАЯ ЗАКАЛКА

«Самый длинный автобус должен ходить по самому длинному маршруту» — этой шуткой новосибирцы встретили появление в городе транспортного Гулливера. Элегантный иностранец «Икарус» прибыл в Сибирь из далекой Венгрии, чтобы пройти испытания в условиях суровой русской зимы. До этого стосемидесятиместный автобус уже успел побывать в Ленинграде и Сочи — проверяли, как он работает в умеренном климате и на жаре. В Новосибирске «Икарус» получил закалку на тридцатиградусном морозе. Пассажиры вполне довольны новой машиной — в салонах тепло и удобно. А шоферам еще предстоит высказать свое мнение. Можно надеяться, что их оценка будет безошибочной, ведь обслуживают автобус лучшие водители первого пассажирского автохозяйства Новосибирска К. Кашмеров и Н. Лопатин.

Ю. КРИВОНОСОВ

«ЖЕЛЕЗНЯКОВ» УЙДЕТ В ОКЕАН

Кто не знает героя гражданской войны матроса Железняка и популярной песни о нем? Но не всем известно, что есть и такая песня:

От прохладных волн Дуная
До азовских берегов
Шел, атаки отбивая,
Монитор «Железняков».

Песня эта про легендарный корабль — участник Великой Отечественной войны. Может, и не очень складная песня — в матросском кубрике рождались ее слова,— но тем дороже были они сердцу моряка.

Первый раз поднялся я на борт монитора неподалеку от дунайского города Вилково. На «Железнякове» еще развевался военно-морской флаг, а стволы орудий не успели остыть после залпа. Стреляли по учебным целям — война к тому времени уже закончилась, и капитан I ранга Харченко наводил теперь лоск на корабле.

Харченко был первым командиром «Железнякова». Он принял монитор накануне войны, а потом повел флагман Днепровской военной флотилии в бой. Днепр, Дунай, Черное и Азовское моря... Сражался с врагом «Железняков» и на речном мелководье и на море.

Прошли годы, и я вновь вижу корпус «Железнякова». Без вооружения, надстроек и такелажа он стоит на Днепре, в затоне острова Рыбачий. Скоро на нем снова появятся броневые башни. Он будет точно таким, как в дни былых походов, он и поднимется на почетный пьедестал в парке памятников доблести и мужества. Теплоходы, идущие по реке, будут отдавать ему честь приспущенными флагами.

А еще будет плавать «Железняков» на морях-океанах. Это будет новый корабль, мирный океанский траулер. Его спустят на воду киевские корабелы к юбилею Советской власти.

А. СТАСЬ,
собкор «Огонька»

Фото П. Бернштейна.

«Железняков» на последнем ремонте.

Фото А. Усманова. (ТАСС).

АСФАЛЬТ ЧЕРЕЗ ПУСТЫНЮ

Не так уж далеко то время, когда главными дорогами через пески Средней Азии были караванные тропы, а основным средством передвижения верблюд!

В связи со строительством грандиозного газопровода Бухара — Урал было решено проложить асфальтированную автомагистраль, которая пройдет параллельно линии газопровода. Несколько лет назад вошла в строй дорога от Бухары до Газли. Потом стали строить дорогу от центра газовой промышленности Узбекистана до Аму-Дарьи — дорогу, пересекающую пустыню Каракум.

Дорожники вышли на трассу в 1963 году. Работать им пришлось в сложных климатических условиях: в июне — августе температура воздуха поднимается в тени до 45 градусов. Хорошее слово «тень». Только где ее взять, эту тень? Ведь в пустыне, покрытой сыпучими, кочующими песками, лишь кое-где произрастают кустики саксаула, под которыми может укрыться разве что заяц. А зимой рабочим Бухарского дорожно-строительного управления № 10 немало досаждали морозы... И вот протянулась асфальтовая лента Газли — Сазакин протяженностью 174 километра.

А. ШВЕЦОВ,
инженер Бухарского дорожно-строительного управления № 10

ВОЗЬМИТЕ МЕНЯ В МОРЖИ!

18 лет назад среди жителей Тушина прошел слух — зимой на канале появился сумасшедший — в то время только так объясняли странное поведение немолодого человека, который с ломиком выбегает из дому, прорубает лед и купается в проруби. Этим человеком был Петр Дмитриевич Голубков, первый «морж» в Тушине.

Прошли годы. Понемногу Голубков обзавелся последователями. Сейчас в Тушине купается постоянно около пятидесяти человек. Появились и три моржихи.

— Вообще-то я купаюсь с девятнадцатого года и не собираюсь бросать,— рассказывает Петр Дмитриевич.— Через два года буду справлять свое шестидесятилетие.

Наверное, этот постоянный заряд бодрости и сохранил ему до сих пор завидное здоровье и жизнерадостность.

Ледяная вода лечит всех. С одним из тушинских моржей, Димой Семеновым, я служил в армии. Когда раздавался сигнал побудки и рота выбегала на зарядку, его трясущаяся и сжавшаяся фигура с сигаретой в посиневшем кулаке скрывалась где-нибудь в курилке или на чердаке. Прошло шесть лет. И вот теперь он, стоя на снегу босиком, в одних плавках, издевается над моим покрасневшим от мороза носом.

Шестой год купается зимой инженер Андрей Дмитриев, перенесший когда-то два инфаркта. Теперь он о них и не вспоминает.

Не так давно стал моржом и пенсионер Федор Иванович Терехов. В будущем году ему исполнится шестьдесят шесть лет.

С канала возвращались вместе. Уезжая домой, я уже думал, где достать ломик и лопату.

Я тоже хочу быть моржом!

В. ТИХОМИРОВ
Фото автора.

НЕ ТОЛЬКО АПЛОДИСМЕНТЫ

Госконцерт СССР

— От Новой Зеландии до Чили, от Канады до острова Святого Лаврентия в Беринговом море аплодируют советскому искусству.— Этими словами директора Госконцерта В. А. Бони началась встреча за круглым столом редакции «Огонька» с известными советскими артистами, триумфально выступающими в лучших концертных залах мира.

Москва, Неглинная, 15. Этот адрес знают все импресарио: здесь помещается Госконцерт. А за последние годы мир уже привык к тому, что ни один концертный и театральный сезон, ни один международный фестиваль не проходит без участия советских артистов. Увозят они с каждым годом все больше и больше всевозможных призов, дипломов и медалей, а поток приглашений ширится. Если все предложения принимать, говорят в Госконцерте, то, вероятно, не только москвичи, но и зрители других республик лишь на экранах кинохроники увидят своих любимцев. Причем за последние годы произошло примечательное явление: наряду с такими коллективами, как ансамбль Моисеева, «Березка», цирк, балет Большого театра, солистами Гилельсом, Рихтером, Ойстрахом, Ростроповичем... за рубеж приглашают молодежь, национальные коллективы, камерные и симфонические оркестры, драматические театры, эстраду.

Когда оперная труппа Большого театра собиралась в Милан, а Московский мюзик-холл — в Париж, многие сомневались: «В Тулу с самоваром! Рискованно». Риск обернулся успехом. Да каким! Сейчас мюзик-холл объездил уже немало, а певцы Большого театра — 400 человек! — готовятся к выставке в Монреале. Впервые русская опера, причем такие постановочные спектакли, как «Борис Годунов», «Сказание о граде Китеже», «Пиковая дама», «Князь Игорь», «Война и мир», отправляется за океан. Наряду с ними поедет и Краснознаменный ансамбль имени А. В. Александрова, и хор Пятницкого, и 120 представителей национальных республик.

Словом, 1000 советских артистов будет выступать на Международной выставке!

Нам рассказывали Лариса Сахьянова и Петр Абашеев, великолепному балетному мастерству которых аплодировало много стран, как изумляются зрители, узнав, что они из Бурятии. В Афганистане королева долго расспрашивала артистов, что это за народ, который, несмотря на свою малочисленность, имеет такое высокое искусство. И вряд ли могла ей прийти мысль, что народ этот совсем еще недавно не только не знал профессионального искусства — не имел своей письменности...

— Сейчас,— продолжал Абашеев,— мы много ездим по свету и часто с гордостью думаем, что теперь у нас, в сибирской «глуши», Дома культуры куда лучше иных столичных театров!

— Даже в Японии, где гастролировали мы около двух месяцев,— дополняет Сахьянова,— нам в первый день пришлось выступать на таком полу, что многие падали. Но надо отдать должное нашим японским друзьям — уже ко второму отделению, за пятнадцать минут антракта, был сделан превосходный пол, и мы с ним не расставались все время гастролей: хозяева охотно возили его за нами.

Ленинградский симфонический оркестр под руководством Е. А. Мравинского не был нашим гостем: в то время как за круглым столом редакции нам рассказывали Иван Петров и Валентина Левко о поездке в Италию, о выступлениях в «Ла Скала», ленинградские музыканты садились в Риме на поезд, направляющийся в Милан. Поскольку этот переезд нам кажется примечательным, позволим себе маленькое лирическое отступление. Мы связались по телефону с руководителем поездки директором Ленинградской филармонии М. Э. Крастиным, и вот что он рассказал:

— После очень успешных концертов во Флоренции, где мы предстали как первый советский оркестр, в Риме нас ждало выступление в «Ла Скала». Это был самый дальний переезд, и мы впервые воспользовались железной дорогой. Проведя всю ночь в поезде, мы убедились наутро, что находимся все еще в окрестностях Рима. В Италии началось наводнение! Были смыты огромные мосты, парализованы дороги, поезда шли вне всякого графика. Узнав, кто мы и куда держим путь, железнодорожники прицепили наши вагоны к первому же уходящему поезду. И далее, куда бы мы ни прибывали,— а ехали мы самым окольным путем,— всюду наш приезд предваряла телефонограмма железнодорожников и своим коллегам. И те, хотя забот у них было много, обеспечивали нам «зеленую улицу».

В Милан мы приехали с десятичасовым опозданием. Но, несмотря на тревожное настроение и отсутствие репетиции, концерт прошел с невиданным успехом. Железнодорожников не видно было в зале — они продолжали стоять на своей многосуточной вахте,— но, я думаю, все музыканты играли для них.

И еще одно примечательное событие произошло в те же дни. О нем рассказал нам непосредственный свидетель события канадский импресарио господин Кудрявцев:

— О, это очень печальное событие. Когда Украинский ансамбль танца, который я вторично пригласил к нам, гастролировал на севере центральной части Канады, во время переезда начал тлеть пол грузовика, где находились костюмы и реквизит. Был мороз. Вода в шлангах замерзла. Ничего не удалось спасти — все сгорело! Неделю артисты не выступали: мы отменили шесть концертов,— я понес огромные убытки. С поразительной оперативностью с Украины выслали новое оформление, но танцовщицы, не дожидаясь, устроили в зрительном зале ателье и сами мастерили костюмы. Я был поражен! И не в последний раз. Концерт, назначенный в Ванкувере, решили не отменять, но разыгравшаяся пурга задержала самолеты. К началу представления ясно было, что костюмов нет. Тогда актеры предложили провести концерт в своих повседневных туалетах. Это украинские-то пляски, где ленты, венки, юбки, монисты — все пляшет, сверкает, кружится вместе с артистом! А тут — хореография без малейших помощников! Мало кто рискнул бы пойти на такой смелый экзамен — только очень большие мастера. А они выдержали его! Концерт прошел триумфально.

Об огромном успехе советского искусства в самых разных странах рассказывали все. Ансамбль Моисеева первым побывал в Испании. В день последнего концерта в Севилье с ходатайством о билетах пришла тысячная толпа. В Версале, ставшем символом церемонности, чопорности, эстетической изысканности, с необычайным успехом прошел концерт советского музыканта Авксентьева, солиста на балалайке.

Пианист Николай Петров говорил о гастролях Большого симфонического оркестра Всесоюзного радио и телевидения в Лондоне и на Эдинбургском фестивале. Дирижировал Геннадий Рождественский, не раз выступавший в Англии. На первом концерте зал встал, подняв транспаранты с надписью: «Добро пожаловать, Геннадий!», «Наши сердца с тобой!».

О том, как мир все больше и больше интересуется советским драматическим искусством, рассказывал Михаил Иванович Царев:

— Наряду со старейшими театрами — Малым, Ленинградским имени Пушкина—выезжали МХАТ, Театр Вахтангова, Большой драматический, Сатиры... Театр Моссовета побывал в Югославии и Болгарии, «Современник»—в Чехословакии. В Западный Берлин приглашен Малый театр.

...О трудностях освоения неродного языка говорил за круглым столом Борис Брунов:

— Конечно, нам труднее, чем музыкантам, певцам, танцорам, акробатам: надо преодолевать языковой барьер! Я лично преодолевал его более 20 раз, конферируя по-английски, по-японски, по-шведски... Не обходилось и без курьезов. На гастролях в Чехословакии я вел программу на чешском языке. Оттуда наш путь лежал в Болгарию. После премьеры в Софии одна болгарская газета поместила восторженные слова обо всей группе. Обо мне же было написано: «Конферансье Брунов замечательно вел концерт на болгарском языке, но почему-то с чешским акцентом».

— Все переговоры о гастролях идут под флагом 50-летия Октября,— говорит заместитель директора Госконцерта Г. С. Агаджанов.— На афишах и программах концертов советского оркестра японцы сами просили написать, что гастроли посвящаются великому юбилею. С этим событием связаны и фестивали советской музыки в Англии, Франции... В свою очередь, многие знаменитости мира очень хотят выступить у нас в дни торжеств.

О гастролях интересно, содержательно говорил Сергей Владимирович Образцов:

— Дело ведь не только в том, что наше искусство представляют действительно великолепные музыканты, актеры, певцы. Гораздо существеннее, что происходит встреча людей за рубежом с советскими людьми, что на самом концерте, да и после него, даже в простой встрече на улицах они узнают новое о нашей стране. Я думаю, что странам нельзя дружить, если нет еще и непосредственных контактов между людьми этих стран. Я очень верю в личные встречи! И если я вспоминаю наши гастроли за границей — а я выезжал из Советского Союза более пятидесяти раз и побывал больше чем в двадцати пяти странах,— то вспоминаю именно эти самые встречи с людьми.

Еще не кончилась война, когда группа советских актеров выехала в Румынию, Болгарию и Югославию. Я помню концерт в Скопле, успех всех наших товарищей и мой личный успех. Но больше всего я помню, как жители этого города встречали нас с компотом, яблоками, с какими-то сластями и не дали нам разместиться в гостинице — разобрали всех по домам.

Мне очень больно читать и слышать о том, что происходит в Китае. Больно потому, что я истратил часть души своей во время поездки в Китай пятнадцать лет тому назад. Пафос дружбы, которым был охвачен тогда народ Китая по отношению к Советскому

ЗА КРУГЛЫМ СТОЛОМ «ОГОНЬКА» ВЫСТУПАЮТ:

В. А. Бони,

Во время гастролей Центрального театра кукол в Индии на спектакле побывал Дж. Неру.

М. И. Царев,

П. Абашеев,

И. Петров,

Лариса Сахьянова,

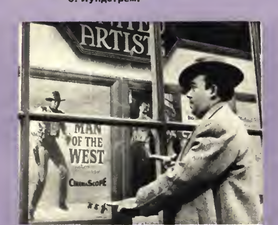
О. Лундстрем.

Э. Типайне,

Ван Клиберн и лауреат конкурса имени Клиберна Николай Петров.

В Англии. Борис Брунов готовится к вечернему конферансу.

Валентина Левко и Мариан Андерсон.

Перед отъездом в Грецию инструментальное трио под руководством Б. Векслера выступало у нас в «Огоньке».

Союзу, трудно описать. Я не знаю, что теперь случилось с теми, с кем я был по-настоящему, по-человечески дружен в те годы. Мне больно думать и о том, что разрушается великое традиционное китайское театральное искусство, о котором я написал книгу, и вышла она не только в нашей стране, но и в Китае с предисловием Мэй Лань-фана.

Вдоль и поперек мы проехали Индию. Но в памяти остались особенно яркими два эпизода: Неру среди детей в зрительном зале и маленький мальчик-нищий, с которым я познакомился в Калькутте, с которым подружился.

Наш театр играл в Нью-Йорке, в Вашингтоне, потом в Канаде. А через два года тот же импресарио, Сол Юрок, пригласил меня на гастроли с сольным концертом для колледжей и университетов Америки. Мы проехали десять с половиной тысяч километров, иногда делали до 500—600 километров в день. Я встречался со студентами и профессорами после концертов, и разговоры, споры были не менее существенными, не менее важными, чем концерты. Люди должны глядеть друг другу в глаза и должны подавать друг другу руки!

Я впервые был в Берлине 43 года назад. Мне было 24 года. Моя юность совпала с первыми годами Октябрьской революции. Я был воспитан этими годами. Я ходил в кепке и в обмотках. У меня не было галстуков, я их презирал. Я не носил перчаток и не прыскал себя одеколоном — все это я считал признаком буржуев. И поэтому, когда в Берлине я должен был купить себе шляпу, перчатки и кашне (я даже купил духи «Роз-Жаклимино»), я думал: уж не изменил ли я Советской власти?! Я был тогда актером музыкальной студии Художественного театра, мы играли «Периколу», «Лизистрату», «Дочь мадам Анго». Первый раз в своей жизни я был в капиталистическом городе! Я ходил по этому городу, играл с детьми на бульваре, подружился с несколькими актерами Берлина...

Следующая моя встреча с немцами случилась в 1941 году. Вместе с режиссером Юткевичем я стоял на крыше московского дома, где я живу, и гасил падающие на крышу зажигалки. Горела Москва. Под утро можно было разглядеть немецкие самолеты. Оттуда падала смерть. И я думал: неужели в этих самолетах сидят те самые люди, которые были детьми в 24-м году, с которыми я играл на бульварах Берлина?..

Шла война. А когда она кончилась, Министерство культуры послало нас в Берлин играть спектакли. Я не хотел ехать! Я не хотел ехать к немцам, которые разрушили наши города, ранили моего сына, убили моих друзей, из-за которых столько людей умерло от голода в Ленинграде. Я не хотел ехать. Но ехать надо было, и мы поехали.

Нас встретили цветами. Это ни в чем меня не убедило: цветы можно купить. Нам улыбались. Но и это ни в чем меня не убедило: улыбаться не так уж трудно. Начался спектакль. Шла «Ночь перед рождеством». Зрители смеялись. Это меня уже удивило: неискренне смеяться невозможно, а они смеялись в полную силу. За кулисами стояла девушка спиной ко мне, лицом к стене. Ее плечи дрожали. Я подошел к девушке, повернул ее. Руки ее были прижаты к лицу, и сквозь пальцы текли слезы. Девушка плакала, но ничего не говорила. И тогда мне рассказали, что девушка только что вернулась из тюрьмы в Западном Берлине, куда попала из-за того, что распространяла листовки, предлагающие дружить с русскими. И я понял, что был неправ, когда не хотел ехать в Германию.

С тех пор прошло много времени. Я уже не раз выезжал в ГДР. Меня даже избрали почетным членом Берлинской академии искусств. И все же память сохранила личные встречи с людьми, непосредственный контакт, глаза в глаза.

ГЕРОИ РОЖДАЮТСЯ ЗДЕСЬ

ЭТИ СНИМКИ СДЕЛАНЫ В ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ ВЬЕТНАМ. ОНИ ЗАПЕЧАТЛЕЛИ БУДНИ ОДНОГО ИЗ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ, ЗАЩИЩАЮЩИХ СТРАНУ ОТ АМЕРИКАНСКИХ ВОЗДУШНЫХ СТЕРВЯТНИКОВ.

И. ЩЕДРОВ

Шестой день наша автоколонна, оставив позади огни Ханоя, все дальше и дальше медленно продвигается на юг.

Первая большая остановка в Вине. Заречье Виня напоминает искалеченного ветерана-солдата. Развалины зданий. Стены оставшихся иссечены пулями, темнеют пробоины от ракет. На городских улицах огромные воронки от бомб. На школах и учреждениях таблички: «Эвакуировано», «Выехало».

И все-таки это не мертвый город. Действуют некоторые предприятия. К вечеру на улицах движение. Торгует ночной рынок. Продавцы предусмотрительно приходят с керосиновыми лампами, а покупатели с карманными фонариками. Торгуют фруктами и чаем, рисовой похлебкой и тощими курами. Покупают, особенно не торгуясь. В любую минуту может начаться налет.

То и дело на улицах можно видеть рабочих с карабинами за плечами, бойцов. Город каждую минуту готов превратиться в сражающуюся крепость.

На второй год войны здесь, на переднем крае, даже о самых горячих боях рассказывают совершенно спокойно, совсем иначе, чем в первые дни войны...

Разговоры все больше о семьях, об эвакуации, о зверствах американской авиации, о последних боях... Бои здесь идут почти каждый день. И в каждом из них рождаются новые герои. Вот рассказ лишь об одном дне небольшой приморской деревни Куанг, расположенной недалеко от Виня.

Сигнал воздушной тревоги прервал собрание деревенской партийной организации как раз в тот момент, когда председатель огласил повестку дня: «Текущий момент и очередные задачи». Над провинцией снова появились американские бомбардировщики. Через несколько минут над головой заполыхали два стервятника, а вскоре показались белые купола парашютов, которые медленно опускались над заливом. Раздумывать некогда. Командир деревенского ополчения коммунист Хо Нгок Ле бросается к лодкам. За ним еще несколько человек. Под вой американских самолетов они взваливают на плечи лодки, преодолевают бегом пятьсот метров до берега. Еще секунды, и рыбаки уже идут навстречу волнам. Карабины заряжены. Лишь бы успеть. С лодки хорошо видно американцев, которые пытаются уйти в сторону открытого моря, видно, как один из них передает по радио сигналы о помощи. Лодки, словно щепки, бросает на волнах. Гребут изо всех сил. Неожиданно со стороны моря навстречу лодкам вышли гидропланы и вертолет. Со стороны деревни по ним открыли ураганный огонь части береговой обороны. Только бы успеть! Вот уже летчики окружены, еще секунды, и они валяются связанные на дне лодок, мокрые, дрожащие от страха и холода. Самолет идет на бреющем полете, но бить ракетами не решается. Рыбаки отчаянно отстреливаются. До берега остаются сотни метров, когда на горизонте показываются американские суда. Бомбардировщики начали обстреливать и бомбить побережье. Заполыхали морские сосны на берегу, хижины, но ответный огонь не ослабевал. Через полчаса лодки уткнулись носом в песчаный берег. Налетчикам не удалось уйти от возмездия.

А на следующий день в большой крестьянской хижине при свете керосиновой лампы шло партийное собрание. На повестке дня стоял вопрос: «Текущий момент и очередные задачи».

Ночью мы снова отправляемся в путь. На втором часу пути за одним из поворотов показался шалаш. Дорогу преградил шлагбаум из бамбуковой жерди. Переправа. Мы вылезаем из машин и дожидаемся встречной колонны. Рядом прямо на земле сидят только что вернувшиеся с переправы часовые, ополченцы. Дымят огоньки сигарет. Девушки тихонько напевают о весне, о любимых, которые сражаются на фронте. Со стороны наши машины, увешанные зелеными ветками, похожи на выстроившиеся в ряд огромные кусты. Машины здесь идут лишь с отлично замаскированными подфарниками. Наконец путь свободен, и мы двигаемся дальше мимо разоренных войной и покинутых жителями деревень. Вдоль всей трассы навстречу нам несутся маленькие точки красных сигнальных огоньков. Это значит: небо чистое, трасса свободна.

Начался налет. Красные огни сменились голубыми. Колонна быстро рассредоточивается и замирает на месте. Бомбят только что оставленную нами переправу, дорогу, по которой нам еще предстоит ехать. Небо полыхает от разрывов снарядов. Мечутся черные тени самолетов. Вот один из них, охваченный пламенем, взмывает вверх, а затем камнем падает на землю...

И снова тишина. Со всех сторон лишь слышно монотонное пение цикад и кваканье взбудораженных лягушек. Колонна двигается дальше.

Перед самым рассветом остановились в небольшой опустевшей деревушке Хыонгфук, название которой болью отзывается в сердце каждого вьетнамца. Сегодня здесь пусто. Все жители вынуждены были эвакуироваться. Прямо с дороги видна площадка, на которой стояла деревенская школа.

Отойдешь чуть в сторону, и вокруг тебя безграничное море рисовых полей, а дальше в дымке угадывается могучее дыхание Тонкинского залива, откуда тянет прохладным морским ветром. Каждый день над провинцией Хатинь проносятся американские бомбардировщики, и тогда по сигналу воздушной тревоги дети вместе с учителями лезут в душные бомбоубежища, побросав на парты чернильницы и тетради с недописанными фразами. ...В тот день они не успели этого сделать. В три часа дня неожиданно откуда-то вынырнули двенадцать американских истребителей-бомбардировщиков и открыли прицельный огонь по деревне, по школе. Черный дым, словно грозовое облако, навис над деревней. А на земле остались лежать пятьдесят семь окровавленных детишек, учеников сельской школы.

Все чаще вдоль трассы попадаются обломки сбитых американских самолетов, исковерканные, обгоревшие остовы автомашин. Дорога узкой лентой вьется между гор. Двигаемся только по ночам, стараясь не останавливаться во время налетов. По двигающейся мишени бить с воздуха сложнее. Сегодня выехали на закате, а через десять минут над трассой появились реактивные бомбардировщики. Ревут моторы машин, преодолевающих перевал. И все-таки в этом шуме слышу крики: «Сбит! Сбит!» Прямо над колонной в воздухе повисает трехцветный купол парашюта. Он медленно опускается в лежащую под нами горную долину. Отсюда отчетливо видно, как летчик пытается сесть ближе к горам, покрытым густыми джунглями. Едва освободившись от строп, он торопливо устремляется к густым зарослям... Из кустов вынырнула небольшая фигурка с ножом в руке. Пилот словно осекся, а затем медленно поднял руки вверх.

Самолеты успели сбросить несколько бомб на полотно дороги, и пока их обезвреживали, нам пришлось остановиться в ближайшей деревушке. У околицы мы увидели долговязого американского летчика, которого конвоировала девушка лет двадцати. Лицо у пилота бледное, растерянное. Видимо, до сих пор

Фото В. КОВНАТА.

Зенитчики ведут огонь.

Ратный труд.

Письмо домой.

Для непрошеных гостей.

Боевая позиция.

не может прийти в себя. «Нгок»,— представилась нам конвоир. По-русски «Нгок» — «изумрудинка».

Мы сидим на корточках в низкой бамбуковой хижине, прилепившейся к склону горы. Чадит коптилка. На циновке маленькие фарфоровые чашечки с крепким зеленым чаем, бананы. На самом почетном месте Изумрудинка. Пышная девичья коса, большие карие глаза и открытая улыбка. Голос звонкий, чистый. Сегодня она герой дня.

Нгок попала сюда недавно из знаменитых ударных отрядов, работающих на самых опасных участках дороги. Она только что выписалась из госпиталя и по состоянию здоровья была временно оставлена здесь учеником повара.

Вечером, как всегда, Изумрудинка вышла в долину за припасами к ужину. В этот момент началась бомбежка. Затем она увидела пилота. Раздумывать было некогда. С тесаком в руках Нгок бросилась наперерез американцу. Остальное мы видели сами.

Родилась Изумрудинка по ту сторону 17-й параллели, в Южном Вьетнаме. Девочкой покинула родной край и очутилась на Севере. Здесь она окончила начальную школу и поступила рабочей на железную дорогу. Война. Вместе с другими Изумрудинка подает заявление в райком, просит разрешить ей воевать в молодежных ударных отрядах на самых опасных дорогах страны. Много месяцев вместе со своим отрядом под бомбами и обстрелами работала Нгок. Потом госпиталь. Она мечтает поскорее вернуться в свой отряд, в дружную комсомольскую семью. А пока Нгок просит нас передать ее друзьям пачку писем и самые теплые приветы.

Едем дальше. Неожиданно впереди слышатся взрывы. Это бомбы замедленного действия. Дорогу снова преграждает шлагбаум. Рядом в шалаше, оборудованном под медсанбат, перевязывают раненых. Через час командир докладывает, что на участке дороги в полтора километра разорвалось тридцать шесть бомб.

Мимо нас с кирками и лопатами идут добровольцы из молодежных ударных отрядов. Днем и ночью они героически работают на этой трассе, нередко под бомбами и обстрелом. Над долиной несется задорная песня дорожных отрядов.

Оказалось, что наша задержка произошла на участке, где прежде работала Изумрудинка. Передаем письма, приветы. Письма сразу же пошли по рукам. В короткий перерыв их читали вместе, вслух. Мы рассказали, как девушка задержала американца. И никто не удивился.

В небе снова появились самолеты. Но трасса уже была очищена, и наша колонна двинулась дальше. Мы не успели поближе познакомиться с ребятами, даже не простились с ними. «Дорогу жизни» американцам не уничтожить.

На очередной нашей дневке нам снова довелось встретиться с бойцами молодежных ударных отрядов. В пещере полумрак, и приходится пользоваться керосиновыми лампами. В дальнем углу двух-трехэтажные нары. Часть бойцов живет в небольших хижинах, прилепившихся к склону горы. На встречу с советским журналистом пришли все свободные от дежурств.

Их здесь сто парней и две девушки. Давно они не были дома — кто год, кто полтора. Народ боевой, задорный. Джунгли, горы — все это так непривычно для жителей солнечных просторных долин. В дождливый сезон многих трясет малярия. Но ребята знают, что сегодня их место здесь. Они готовы сражаться до последнего за свободу и независимость своей родины. Я вглядываюсь в лица мужественных, одержимых ребят — их хочется запомнить.

Товарищ Лан запевает песню. Ему подтягивает один, другой. И вот уже поет вся бригада. Никогда раньше не слышал я этой удивительной песни, родившейся много лет назад, в самые трудные дни первого Сопротивления.

В ней поется о далекой от Вьетнама Стране Советов, первой в мире республике рабочих и крестьян, о мужественном советском народе, разбившем всех интервентов и захватчиков, о могучей Волге, очень похожей на Красную реку, о бастионе мира и свободы — великом Советском Союзе...

Курман ДУГУЖЕВ

Ясный день

РАЗГОВОР С УХОДЯЩИМ ДНЕМ

Солнце катится за горы,
А работе краю нет.
Начинаю разговоры:
— Ясный день, послушай, свет,
Видишь, рано на покой,
Задержись на час-другой.
— Рад бы,— день сказал,— помочь,
Но нельзя: обгонит ночь.

ЧЕЛОВЕК

Говорят, что сотворен
Человек из глины.
А гляди, сколь крепок он:
И в морях не растворен,
И в трудах не утомлен,
И, короче, побежден
Смертью лишь единой.
Мог бы бог, к примеру взять,
Сделать нас из стали,
Мы б тогда и умирать
Вовсе перестали!

КОГДА ПЕТУХ ПОЕТ

Возле нашего крыльца
поутру петух поет.
Почему же у крыльца?
Почему же поутру?

Мама говорит: — К нам
хороший гость придет,
Потому что у крыльца
петухи поют к добру.

Я, конечно, удивлюсь: как
петух узнал секрет?
(Обещала нынче быть та,
что жду и не дождусь.)
На маму посмотрю:
не проведала ли? Нет!
Ей нисколько невдомек,
что на гостье я женюсь.

ДВОЕ

Хорошеют с каждою весной
Двое на окраине лесной.

Двое при тишайшем ветерке
Лист к листку, как бы щека
к щеке.

Посильней порывы ветерка —
К ветке ветка, как к руке рука.

А когда ветрище из-за гор
Вылетит, безжалостен и скор,

Двое — ствол к стволу —
и устоят,
Ветру вслед листвою прозвенят...

Перевела с черкесского Ольга Фокина.

Когда с наступлением темноты наша колонна снова двигается в путь, ребята уже на трассе.

Глубокой ночью мы прибыли на очередную стоянку. В небольшой хижине два топчана, небольшой стол, на котором разбросаны газеты. На перекладине висят карабины и автоматы. У керосиновой лампы, склонившись над записной книжкой, сидит пожилой человек в военной форме. Это комиссар дорожного батальона Тхы. Он вторые сутки без сна. Обстановка сложная. То и дело американские самолеты бомбят трассу, а она должна действовать во что бы то ни стало.

Комиссар рассказывает о трассе, о товарищах. А потом говорит об обстановке в этом районе. Мы всего в каких-нибудь 40—50 километрах от 17-й параллели.

По приказу Пентагона у границ Демократической Республики Вьетнам сосредоточено свыше семи тысяч американских морских пехотинцев, которые вышли к самой границе нейтральной демилитаризованной зоны. Один из американских батальонов провокационно пересек эту границу и оказался на нейтральной полосе. Самую крупную за всю «грязную войну» во Вьетнаме наземную операцию американских интервентов поддерживали несколько полков марионеточной армии, артиллерия, тактическая авиация и бомбардировщики стратегической авиации США «Б-52». Сюда были срочно переброшены новые части из Дананга.

Военные операции американские интервенты развернули здесь минувшим летом. Американская авиация бомбила районы к северу от реки Бенхай, а потом «летающие крепости» «Б-52» систематически бомбили южные районы демилитаризованной зоны. В небольшой городок, где находится штаб особой группы морской пехоты, осуществляющей эту операцию, прибыл генерал Уэстморлэнд, командующий вооруженными силами США в Южном Вьетнаме.

Впервые за все годы «грязной войны» Пентагон приступил к созданию на узкой полосе, разделяющей Северный и Южный Вьетнам, большого сухопутного военного плацдарма шириною в 30—40 километров. Снабжение этого плацдарма осуществляется с крупнейшей американской военно-морской базы Дананг, где размещено свыше 30 тысяч интервентов, важные аэродромы. Сайгонский «премьер» Нгуен Као Ки прямо заявил, что пора переходить к сухопутной войне на территории ДРВ. Американские генералы вынашивают планы оккупации южных районов ДРВ.

Темная ночь. Где-то рядом гремит бой. На небольшом столе керосиновая лампа освещает голову комиссара. Он спит коротким, беспокойным, солдатским сном. Через два часа его ждут на трассе.

Завтра мы снова уходим дальше, и я не знаю, успею ли проститься с комиссаром. Но одно ясно: по дорогам будут идти машины!

ПРАСКОВЬЯ МИХАЙЛОВНА БЕСТУЖЕВА.

Портрет маслом работы В. Л. Боровиковского, 1806 год.
Собрание Б. Е. Поповой, Париж.
Воспроизводится впервые.

И. С. ЗИЛЬБЕРШТЕЙН,
доктор искусствоведческих наук

МАТЬ ЧЕТЫРЕХ ДЕКАБРИСТОВ

Никакое самое изощреиное воображенне беллетрнста ие в состоянни прндумать тех перипетий, какие иному стариниому портрету нли картние уготовнт сама жнзнь. И как замысловато прнтом! Вот уж действнтельно многне произведення искусства долгими десятнлетиямн, а ннoгда н столетнями бродят страннннкамн по белу свету.

Именно об зтом я подумал все в том же ненсчерпаемом для наших понсков Парнже, когда установил, что портрет, который я долго разыскивал у нас, должен иаходнться нмеино там. И вот тогда-то выяснилась удивительная судьба зтого портрета иезаурядного нконографического зиачения, который создавался сто шестьдесят лет иазад в Петербурге и которому теперь обязательно надлежало бы находиться в одном из наших музеев наряду с парным к нему другнм портретом. А вместо зтого причуды жнзни прнвелн его иа малеиькую улочку Бокадор в Парнже. Никак иельзя было такое н предположить!

I

В нсторин двнжения декабрнстов известен лишь едннствеиный случай, когда четверо братьев вошли в состав Севериого общества н былн участннками восстания. Это Ннколай, Александр, Мнханл н Петр Бестужевы. Вырослн они в замечательной семье. Отец нх, Алексаидр Федосеевнч Бестужев, был передовым деятелем своего временн. В самый мрачный период царствовання Павла I, в 1798 году, он издает вместе с выдающнмся лнтератором-просветителем И. П. Пниным вольнодумный и явно антнкрепостнический «С.-Петербургский журнал». И печатает здесь свой трактат «О воспнтании», памятинк прогрессивной русской мыслн конца XVIII века: А. Ф. Бестужев ие только рассматрнвал вопросы воспнтаиня с просветительских познцнй, ио и открыто порицал дворянскне прнвнлегии, выступая как ученик н последователь Радищева.

Когда в январе 1800 года во главе Академии художеств был поставлен А. С. Строганов, один из просвещеннейшнх людей той поры, он сразу же привлек в качестве помощинка А. Ф. Бестужева, ставшего деятельным участнником всех начинаннй по проведению коренных реформ в академнн. Бестужев, который к тому же вместе с семьей поселнлся в зданнн Академии художеств, оказался в центре тогдашней культурной жнзни страны, так как повседневио сопрнкасался с жнвописцамн, скульпторамн и архитекторами. Многие из иих бывалн у него в доме, превратнвшемся вскоре в одии нз очагов русской культуры.

С восторженным чувством вспоминал о друзьях отца Александр Бестужев-Марлннскнй: «Отец мой был редкой нравственности, доброты безграиичной и веселого нрава. Все лучшие художннки и сочиителн тогдашнего времени былн его приятелями. Я ребенком с благоговеннем терся между ннмн». Прочитав в солдатских траншеях на Кавказе повесть Полевого «Живопнсец», Марлнискнй писал: «Тысячн образов возникают в душе моей, проснувшейся от жнвотиой жизни. Да, я жил в мнре пластнческой красоты — я вырос с художниками».

В чнсле живопнсцев, дружнвшнх с А. Ф. Бестужевым, был выдающнйся портретист Владимир Лукич Боровиковский (1757—1825). Когда десять лет назад я работал над исследованнем «Нниколай Бестужев н его живопнсное наследне. История создання портретной галереи декабрнстов» («Лнтературное наследство», т. 60, кн. II), был обнаружен превосходный портрет А. Ф. Бестужева, исполненный в 1806 году Боровиковскнм, и я получнл возможность воспронзвестн его в книге. Отыскался он в Областном художественном музее города Кирова. Тогда же удалось выяснить, что существовал написаиный тем же художииком портрет Прасковьн Мнхайловны Бестужевой, жены Александра Федосеевнча.

Свндетельство об зтом сохранилось в иайденном мною письме Ннколая Бестужева к сестре, отправленном 8 января 1847 года из Селеигниска, где Бестужев жил на поселеинн. «Я помню ее,— пнсал он о матери,— еслн не красавицей, то по крайней мере очень, очень прнятиой женщииой, что доказывает и ее портрет, деланный тогда уже, когда ей было за трндцать лет, Боровиковским. Я как теперь вижу старнка живопнсца, пншущего левой рукой». Несмотря на предприятые понскн, иайтн портрет П. М. Бестужевой в иашнх музеях н частных собраннях не удалось. И я вынужден был указать в своей работе, что местонахождение зтого полотна Боровнковского неизвестио. Вполне можно было предположнть даже и то, что оно погнбло.

Но портрет П. М. Бестужевой сохраиился. Неведомыми путямн он оказался в Парнже в коллекции А. А. и Б. Е. Поповых. И несомиенио, что зто парный портрет к тому, что находится в г. Кнрове н изображает А. Ф. Бестужева: изображення на холстах обращены друг к другу, размеры холстов одниаковы. Кроме того, на обонх подрамниках одним и тем же стариниым почерком указаиы имя, отчество н фамилня изображеиного лица, а зто — еще одно свидетельство, что когда-то оба портрета находилнсь у одного владельца. Исполнен был портрет П. М. Бестужевой, по-видимому, в то же время, что н портрет ее мужа, в 1806 году: вспомннм слова Николая Бестужева, что Боровиковскнй писал Прасковью Михайловну, когда ей было «за тридцать лет», а родилась она в 1775 году, значит, в 1806-м она была нменно в зтом возрасте.

Как случилось, что зтн парные портреты оказались разъедииенымн, и когда зто пронзошло, сказать иельзя, да и неизвестно, можно ли будет зтот вопрос когда-нибудь выяснить. Мы знаем лишь, что в начале прошлого века они были в доме Бестужевых в Петербурге. В чье владеине онн затем попали, сведений нет. Но есть даниые, что портрет А. Ф. Бестужева был приобретен в 1925 году в Москве, а затем поступил в музей г. Вятки (ныне г. Киров). А как портрет П. М. Бестужевой оказался в Париже, устаиовить ие удалось.

II

Необходимо хотя бы вкратце рассказать о самой Прасковье Михайловне. Ей не было шестнадцати лет, когда она, ничем ие примечательная девушка из мещанской среды, встретнлась с А. Ф. Бестужевым. В 1790 году, в чнне артиллерии капнтана, он был тяжело ранен иа войне со шведамн, Прасковья Михайловна выходнла его. Вскоре они сблизились, роднлся первый сын, Ннколай, а затем Александр Федосеевич женился на ней. Пятерых сыновей и трех дочерей воспитала она. Все дети очень любили мать и почнтали ее. Она играла в их жизни самую благотворную роль, даже когда онн стали взрослымн. С мужем Прасковья Михайловна прожнла меньше двадцатн лет (он скончался в 1810 году). Все свое время она посвящала семье, вела большой, гостеприимный дом. Несмотря на минимальное образование, полученное в молодости, она приобщилась к вопросам литературы н искусства.

Продолжение. См. №№ 47, 49, 52 за 1966 год.

Осенью 1824 года сын Михаил писал ей в деревню, где она жила с дочерьми: «Касательно новостей, скажу Вам об открытии Академии или, право, я не знаю что сказать. Нынче прмолк совершенно железный век России. Даже я могу сказать: бывало прежде, при ежегодном открытии Академии, право, любо посмотреть, сколько выставлялось прекрасных произведений талантов, а ноиче, через три года, повернте? Едва две картины стоющие внимания посетителей. Что делать? Терпение! Терпение!» Если сын говорил с матерью на такие темы, она в них, по-видимому, разбиралась.

Тот же Михаил Бестужев в своих позднейших «Воспоминаниях о Н. А. Бестужеве» рассказывает, как за день до восстания братья-декабристы решили поехать на квартиру, где жили их мать и сестры, вероятно, проститься с ними на всякий случай: «Последнее время, проведенное всеми нами пятью погибшими братьями в кругу нашего семейства, было... накануне 14 декабря, за обедом. Никого из посторонних не было: старушка мать, окруженная тремя дочерьми и пятью сыновьями, с которыми она давно не видалась, была вполне счастлива, что можно было заметить, с каким восторгом она останавливала попеременно свой взор на каждом из нас и как невольно вырывались у нее фразы похвал, что с нею случалось редко, потому что она нас не хотела (по ее словам) портить похвалами. По нежному участию, с которым она расспрашивала каждого из нас о наших занятиях, жизни и службе, можно было приметить ее скрытое удовольствие, видя нас на дороге блестящей и прочной будущности... Она была счастлива нашим счастьем, а мы?..»

В мемуарном очерке «Мои тюрьмы» Михаил Бестужев писал о той же последней встрече с матерью: «Несчастная мать!.. Могла ли она предвидеть, что не пройдет и суток, как ее золотые сны сменятся горестной действительностью!» Говоря о «пяти погибших братьях», мемуарист имеет в виду и младшего, Павла, который поплатился годом в Бобруйской крепости, а затем переводом на Кавказ только за то, что был братом своих братьев. В «Памятных записках» Петр Бестужев по тому же поводу говорит следующее: «На глазах матери нежной растерзали лютые звери четверых первенцев ее, остался один, единственная надежда и утешение ее, и того оторвали от груди отчаянной!.. Казалось, я видел, как она с блуждающими глазами простирала руки вслед похищенного, и навериувшаяся слеза, не канув, замерзла при воспоминании об ужасе положения семейства нашего».

В месяцы следствия по делу декабристов в Петропавловской крепости находились четверо братьев Бестужевых. Сохранился любопытный документ — официальное письмо на имя старшей сестры, подписанное дежурным генералом Главного штаба А. Н. Потаповым: «Имею честь уведомить вас, милостивая государыня, что государь император, снисходя на прошение ваше, дозволяет вам и родительнице вашей иметь свидание с братьями вашими Александром, Михайлом, Николаем и Петром Бестужевыми; почему и остается вам адресоваться к коменданту С.-Петербургской крепости г. генерал-адъютанту Сукину, который о таковом высочайшем дозволении уведомлен». Документ датирован 11 июля 1826 года. А свидание это Николай I разрешил лишь на другой день после утверждения приговора по делу декабристов. Можно себе представить, с каким тяжелым сердцем шла на это свидание Прасковья Михайловна и каким ужасом на нее повеяло от этой встречи с находившимися за решеткой четырьмя сыновьями.

Судьба декабристов Бестужевых сложилась трагически. Выдающийся писатель и критик Александр Бестужев-Марлинский в июне 1837 года в сражении под Адлером тяжело раненым попал в плен и был изрублен горцами. Карл Брюллов, еще смолоду подружившийся с Александром Александровичем, узнав о его гибели, писал: «Боже мой! Какие потери в один год: Пушкин и Марлинский...» Морского офицера Петра Бестужева перевели рядовым в действующую армию на Кавказ. Он был ранен при штурме Ахалциха, затем заболел психическим расстройством и в 1840 году был помещен в больницу для умалишенных, где вскоре и скончался.

Четырнадцать лет провели в тюрьмах Николай и Михаил Бестужевы. Второй из них—штабс-капитан лейб-гвардии Московского полка, деятельный участник восстания и автор ценнейших воспоминаний. Что же касается Николая Бестужева, то Герцен назвал его одним «из лучших, из самых энергичных действующих лиц великого заговора». К тому же Николай Бестужев был опытнейшим морским офицером и человеком редких дарований и неиссякаемой творческой энергии. Поразительна разносторонность этого высокообразованного человека: он писал рассказы, повести, стихи и в то же время занимался научными исследованиями в области истории, экономики и точных наук, с увлечением вел путевые записки, писал мемуары, переводил; наконец, в годы ссылки и поселения настойчиво трудился над очерками о Сибири, собирал материалы для словаря местной народной речи и работал над статьями по изобразительному искусству. Уже находясь в Читинском остроге, Николай Бестужев овладевает искусством акварельной живописи только для того, чтобы создать портретную галерею участников декабрьского восстания и тем самым сохранить для следующих поколений облик первых русских революционеров, твердо веря в то, что придет светлое будущее, когда люди станут вспоминать имена героев 14 декабря с восхищением и благодарностью.

Такими были сыновья Прасковьи Михайловны Бестужевой, участники восстания 1825 года.

Находясь в Читинской и Петровской тюрьмах, Николай и Михаил Бестужевы, как и другие декабристы, были лишены права переписки с родными. И только благодаря женам некоторых из них они получали от родных и посылали им весточки. В 1839 году Николай и Михаил Бестужевы были отправлены на поселение и им разрешили наконец переписываться с родными.

Вот начало первого письма Николая Бестужева, отправленного им матери вскоре после освобождения из тюрьмы: «Любезная матушка... Вот чрез 14 лет, впервые своей рукой, спешу приветствовать вас при первой возможности с пути, с первого почтового пункта». А кончается письмо такими словами: «Любезная матушка. Благословите нас на новом поприще терна и забот». Через двенадцать дней Михаил пишет родным: «С каким нетерпением я ждал минуты своего освобождения, чтоб не чрез посредников, а самому побеседовать с вами, любезная матушка... Я ждал окончания нашего срока, и мне казалось, что дни и часы растягивались в годы и месяцы по мере того, как срок приближался». И далее: «Мы переходим из тюрьмы в тюрьму побольше, нас ожидает одиночество, труд, нужда и мертвящий холод окружающих лиц».

Нельзя без волнения читать строки письма Николая Бестужева, обращенного к Прасковье Михайловне и отправленного 28 октября 1840 года из Селенгинска: «Вот и маменькины именины... Поздравляем маменьку со днем ангела и желаем ей долгих и счастливых лет в будущем. Дай бог, чтобы спокойствие в семействе награднло за все претерпенное. Мы с своей стороны постараемся быть счастливыми живучи здесь, чтобы ни малейшее о нас беспокойство не могло заботить добрую маменьку; посылаем вам, душенька маменька, беличий хребтовой мех; пусть он греет вас и напоминает собою о нас. Мы нарочно велели его собрать по-сибирски. Целуем миллион раз ваши ручки и просим вашего благословения».

А для беззаветного отношения Прасковьи Михайловны к детям характерно, что когда ей было уже под семьдесят, она решилась поехать в далекий Селенгинск, чтобы остаток своих дней провести вместе с сыновьями. Но этой сокровенной мечте Прасковьи Михайловны не дано было осуществиться. Вот что говорит об этом Михаил Бестужев:

«Матушка получила м и л о с т и в о е разрешение отправиться к нам в тюрьму (только огромного размера). Мы начали отделывать свой дом для их приема, и когда, после 8-месячных трудов, все было готово к их принятию, когда бо́льшая часть вещей их уже была получена нами, когда они продали деревню и истратились на путевые приготовления и были уже в Москве, Незабвенный, раскаясь в своем неуместном великодушии, запретил дальнейшее следование в Сибирь, и несчастная матушка с сестрами очутилась между небом и землей, брошенная без всяких средств жизни, даже без необходимых вещей, в незнакомом ей городе, без надежды когда-либо свидеться с нами. Она не пережила этого удара и скоро померла».

Саркастически подчеркивает автор мемуаров слово «м и л о с т и в о е», и так же звучит слово «Незабвенный», как декабристы именовали Николая I.

III

Портрет П. М. Бестужевой принадлежит к числу тех произведений Боровиковского, в которых художник стремился отразить высокие душевные качества рядового человека. В русской портретной живописи первых лет прошлого века еще царила некая условность, искусственность, и лишь немногие отходили от парадности, столь частой у мастеров того времени. Боровиковский был одним из тех русских живописцев, которые успешно преодолевали это специфическое наследие портретистов прошлых лет. Художник не старался изобразить Бестужеву родовитой дворянкой, какой она и не была, но какой обязательно стала бы на портрете, написанном живописцем академической школы. Боровиковский стремился, по-видимому, подчеркнуть энергичность, присущую модели, ее душевность, и он этого достиг. Портрет выдержан в скромной тональности, никакой надуманной изысканности в красочной гамме, никакой вычурности в композиции. Художественное наследие замечательного мастера пополнилось еще одним, до сих пор еще неизвестным у нас полотном.

Мне хотелось рассказать читателям «Огонька» о том, какой была Прасковья Михайловна Бестужева, скромная русская женщина, вырастившая четырех декабристов; рассказать о портрете, созданном Боровиковским в первые годы прошлого века и только теперь обнаруженном в Париже. Я очень признателен Б. Е. Поповой за то, что она любезно предоставила мне возможность воспроизвести этот превосходный портрет. Хочется надеяться, что он еще раз переменит место своего «жительства» и вернется туда, где был когда-то написан и откуда был увезен на долгие десятилетия.

АЛЕКСАНДР ФЕДОСЕЕВИЧ БЕСТУЖЕВ.
Портрет маслом работы В. Л. Боровиковского, 1806 год. Областной художественный музей, г. Киров.

ЧУДЕСА ВЕЛИЧКИ

Н. ЛАБКОВСКИЙ

Подземный дворец королевы Кинги

Туристские автомобили с номерами чуть ли не всех стран европейского континента заполняют узкие улицы шахтерского городка.

Здесь, под землей, на глубине от 100 до 135 метров каждый может за десять злотых увидеть фантастическое царство, которое ни в сказке сказать, ни пером описать.

Поезд идет из Кракова двадцать минут. Если же ехать по шоссе, ощущения переезда из одного города в другой не будет. Путешественник просто не успеет заметить, как промышленный пейзаж краковского пригорода превратится в промышленный пейзаж города Велички.

Вглядимся повнимательнее в прохожих. По кривым улочкам люди ходят оптом и в розницу. Те, что оптом,— почти все с фотоаппаратами или кинокамерами наперевес. Те, что в розницу,— почти все с металлическими касками на головах. Первые — туристы, вторые — основное население города, шахтеры. В центре движения, как гигантская ось, возвышается вышка соляной копи. Это — сердце Велички — подземный дворец королевы Кинги.

Утверждают, что первая шахта — ровесница Польского государства. Ей тысяча лет. Польские солекопы прошли под землей более двухсот километров. Величкинские копи продолжают давать соль и по сей день. Но что же привлекает сюда тысячи туристов со всех концов света?

Пристроимся к очередной группе туристов и спустимся в соляную копь. Деревянные ступени, которым нет числа, приведут нас на глубину в сто метров. Не волнуйтесь, обратно нас поднимут в электрической шахтерской клети.

Но вот спуск окончен. Мы идем вдоль стен, искрящихся бриллиантовым блеском. Это кристаллы соли. Чтобы в дальнейшем не повторяться, скажу заранее: все, с чем мы столкнемся здесь, сделано из соли. Стены подземных дворцов, потолки, полы, статуи и картины.

Среди горняков прошлого были талантливые умельцы. При жизни их называли солекопами. Теперь мы называем их скульпторами и архитекторами. Наиболее прославившиеся — это братья Марковские, Крушан, Выродек.

Мы идем по искрящемуся коридору и вдруг застываем на месте. Над нами высокий купол подземного костела. Фигуры святых. Дева Мария. Алтарь. Хрустальные люстры. Барельефы на стенах. Рисунчатый пол.

Да, мы предупреждены, что все здесь сделано из соли, но поверить в это невозможно. Мы современные люди, нас приучили не верить в чудеса, и вот все мы, как по команде, проводим пальцами по статуям, по алтарю, по барельефам на стенах и украдкой облизываем пальцы. Все из соли. Соль иссиня-черная, серо-зеленая, белая, как свежий снег.

Один из самых старинных гротов — Комора Михаловице. 1717 год. Часовня выбита в соляной глыбе. Еще несколько десятков метров вперед и вниз. И вот мы, предупрежденные, подготовленные, застываем в изумлении.

Мы вошли в гигантскую Комору Станислава Сташица. Над нами возвышается купол высотой в сорок два метра.

Величкинские шахтеры словно сговорились удивлять потомков на каждом шагу.

Теперь, еле сдерживая страх, мы смотрим не вверх, а вниз. У наших ног подземное озеро. Оно носит имя инженера Эразма Барача. Жуткая, черная глубина. Не пытайтесь, согласно примете, бросить в это озеро монетку. Она не опустится на дно. Презрев законы физики, монета поплывет, словно деревянная. Концентрация соли здесь невероятно велика, говорят, что даже выше, чем в Мертвом море.

Скульпторы-солекопы Марковский и Выродек создали дворец королевы Кинги. Сооружение закончено уже в нашем веке — в 1903 году. Это апогей подземного чуда. В нем сочетается искусство художников с талантом инженеров-строителей. Равного этому нет нигде на земном шаре. Авторы при жизни даже не знали, какое чудо они сотворили. Они могли видеть его лишь при свете факелов и лучин. В наши дни мощные электрические лампы, заключенные в хрустальные люстры, в которых каждая хрусталинка выточена из соли, ярко освещают подземный дворец, заставляя соляные кристаллы стен, статуй, алтарей искриться и переливаться фантастическим блеском.

В конце двухкилометрового пути — подземный музей. Примитивные орудия труда, гигантские деревянные барабаны, которые вертели люди в упряжке, поднимая на поверхность бадьи с солью. Светильники бросали слабый свет, грозя ежеминутным взрывом. Картина ада, тем более впечатляющая, что раскрывается она на действительном месте событий.

И рядом позолоченные, обитые красным бархатом коляски — вагончики конки, сооруженной специально для императора Франца-Иосифа и его свиты, когда он однажды пожелал осмотреть подземные дворцы Велички.

Еще в середине прошлого столетия краковский врач Феликс Бочковский обратил внимание на целебные свойства гротов и пещер, образовавшихся на месте выемки соли. Дети, страдающие коклюшем, излечивались здесь окончательно в течение нескольких дней.

Восемь лет назад врач Величковской соляной копи Мечислав Скулимовский заметил, что солекопы никогда не болеют воспалением легких, туберкулезом, бронхитом и даже гриппом. Среди них не было также астматиков. Мечислав Скулимовский посвятил себя изучению этого явления. Он проделал интересные опыты; астматики, принятые на работу в соляные копи, вскоре избавлялись от приступов.

И вот три года назад в Величке был организован первый в мире полуподземный экспериментальный санаторий для астматиков. Результаты лечения обнадеживающие. Дети излечиваются от бронхиальной астмы после месячного пребывания в санатории. Взрослые — в зависимости от возраста и побочных осложнений.

Вместе с санаторным халатом больной получает противогаз, металлическую каску и переносную шахтерскую лампу. Спустившись в лифте-клети на глубину в 195 метров, группа санаторных больных попадает в сталактитовый грот невиданной красоты. Здесь больные бывают три раза в неделю с девяти утра до часу дня и два раза в неделю с девяти вечера до восьми утра. Разговаривать и читать воспрещается. Можно только спать. Тишина и покой — один из компонентов лечения, остальные: полное отсутствие в соляном гроте каких бы то ни было аллергенов, постоянное атмосферное давление, всегда одинаковая температура, изоляция от солнечных лучей, хотя бы и рассеянных, естественная ингаляция мельчайших частиц соли, наличие в гроте большого количества кислорода и углекислого газа, что усиливает работу дыхательных органов, и, наконец, отрешение от «земной» жизни с ее посторонними нервными воздействиями.

Более пятисот больных, излечившихся от астмы, около трехсот избавившихся от тяжелых приступов — вот современное чудо Велички. Запроектированы два новых вместительных санатория, в которых смогут одновременно лечиться 350 больных. В седьмом горизонте шахты на глубине в 290 метров доцент Скулимовский облюбовал гроты, в которых будущие подземные «поселенцы» будут проводить подряд несколько дней. Научно обоснованное и практически доказанное чудо излечения одной из самых неподдающихся болезней — бронхиальной астмы — вновь привлекает к Величке пристальное внимание людей.

Краков.

Вечера под Ейском

Широкая асфальтированная улица центральной усадьбы Ейского зерносовхоза. А вот и Дворец культуры. В веселом танце кружатся пары.

И вдруг замолкает баян. Но не сразу останавливаются разгоряченные, немного раздосадованные танцоры: опять «стоп». Ничего не поделаешь, у Анатолия Жукова, руководителя танцевального коллектива, хороший глаз: видит любой промах, малейшую неточность.

Три года, как молодежь зерносовхоза начала заниматься танцами. А сейчас уже во многих колхозах и совхозах Кубани знают и любят ансамбль «Юность».

С Анатолием Жуковым здесь познакомились несколько лет назад: тогда он, молодой директор только что построенного в совхозе Дворца культуры, создал и повез на краевой смотр агитбригаду. Из Краснодара вернулись победителями.

С тех пор во Дворце культуры появилось много нового, интересного. Молодежный цирк — единственный в крае самодеятельный цирковой коллектив. Теперь ему присвоено звание народного. Все артисты цирка — ученики совхозной школы. Они пользуются большим успехом у зрителей. Есть во Дворце культуры и свой эстрадный оркестр.

Много умения и терпения потребовалось руководителю оркестра Александру Говорову, чтобы все его подопечные овладели нотами, научились чувствовать и понимать инструмент. Сейчас уже двое из оркестра шефствуют над детскими музыкальными коллективами. Электрик — и он же саксофонист — Женя Приходько занимается с детским оркестром народных инструментов. Автослесарь Борис Яшин, который в оркестре играет на тромбоне, даже руководит детским духовым оркестром!..

П. СИТАЛЕВ
Фото автора.

Танцует ансамбль «Юность».

Таисия Григорьевна у А. И. Микояна.

Третья справа — Т. Г. Волдина-Тулинова. Фотография 1929 года.

ОКТЯБРЬ
И СУДЬБА
ЧЕЛОВЕКА

Жизнь начиналась

М. ЛЕЩИНСКИЙ

Фото автора.

ТРЕТЬЯ СПРАВА...

Этот старый снимок из семейного альбома подарила мне Наталья Александровна Луначарская-Розенель, вдова наркома просвещения А. В. Луначарского. На фотографии запечатлены А. М. Горький, А. И. Микоян, К. Е. Ворошилов, секретарь ЦК комсомола А. В. Косарев и Е. М. Ярославский. Справа, вскинув руки в пионерском салюте, стоят несколько девочек. Кто они? На этот вопрос Наталья Александровна ответить не смогла. Она лишь сказала, что снимок сделан в 1929 году на одном из стадионов Москвы и что эти девочки, воспитанницы детских домов, приветствуют приехавших к ним гостей.

Пришлось заняться изучением архивов, узнать имена и фамилии многих бывших беспризорников, встретиться с ними и каждому показать фотографию. Так по длинной цепочке знакомых дошел я до Таисии Григорьевны Волдиной-Тулиновой. Таисия Григорьевна долго и внимательно разглядывала снимок.

— Выпускной слет детдомовцев Москвы. Июнь 1929 года,— задумчиво произнесла она.— Третья справа — я.

В 1920 году мои родители погибли от тифа. Я тогда была еще совсем ребенком. Попала в детский дом имени Октябрьской революции, что находился в Успенском переулке...

После окончания пятого класса Таю перевели в большой образцово-показательный детский дом «Юность». По путевке этого детдома Тая поступила учиться в Московский университет и в 1934 году, окончив его, стала педагогом.

Вот уже тридцать лет преподает Т. Г. Волдина-Тулинова русский язык в средней школе. У нее четверо сыновей. Старший — Владимир Борисович — дипломатический работник. Александр — на одном из московских заводов. Андрей, отслужив на флоте, стал студентом авиационного института. Самый младший — Анатолий — работает и учится в вузе.

Однажды случай помог мне рассказать о Таисии Григорьевне Анастасу Ивановичу Микояну. Встреча их состоялась, была очень душевной. Анастас Иванович внимательно слушал рассказ Таисии Григорьевны о ее жизни.

КОННИК ЗА ДИРИЖЕРСКИМ ПУЛЬТОМ

Когда в Большом зале Московской консерватории объявляется концерт симфонического оркестра под управлением дирижера Константина Иванова, толпы людей устремляются к кассам. Это имя известно всем любителям музыки. Однако мало кто знает, каким путем пришел он к дирижерскому пульту.

Шла гражданская война. Первая Конная армия С. М. Буденного была переброшена после некоторой передышки на Северный Кавказ. Части разместились по хуторам и селам. Тяжелое было время. Степи выгорели. Кормов не хватало. Кони падали. Голод косил людей. А было их тут видимо-невидимо: в разоренные войной места, некогда слывшие изобильными, стекались тысячи голодающих. Особенно тяжко приходилось детям. Опухшие от недоедания, они бродили по селам.

Как-то кавалеристы одного из полков С. М. Буденного, отправляясь на запад, заметили на земле измученного, продрогшего мальчишку. Кто-то из кавалеристов спрыгнул с коня и заботливо укутал мальчика в свою бурку. У костра напоили его чаем, раздобыли кусок хлеба, расспросили, как звать...

— Костя,— ответил мальчик.

Так и остался он в полку на попечении буденновцев. Однажды капельмейстер полка Иван Юрьевич Миллерман предложил Косте поиграть на горне. Выяснилось, что у мальчика хороший музыкальный слух. Теперь он не отходил от музыкантов. Через некоторое время Костя выучился играть на валторне и на трубе. К тому же стал еще и кавалеристом. Не раз по сигналу Костиного горна буденновцы устремлялись в атаку.

Кончилась гражданская война. В 1924 году кавалерийский полк вместе с оркестром был отозван для несения службы в Москве. Семен Михайлович Буденный не забыл о мальчике. Он решил направить Костю Иванова по путевке Первой Конной армии в Московский музыкальный техникум имени Скрябина. Его приняли на композиторское отделение, поскольку к тому времени он уже был автором нескольких произведений. Учился он у известных композиторов Сергея Никифоровича Василенко и Александра Васильевича Александрова, организатора ансамбля Советской Армии.

Занимаясь в техникуме, Иванов продолжал служить в полку. Во время маневров, на одном из привалов, он прочел объявление о том, что при Московской консерватории организуются курсы военных капельмейстеров. Константин попросил разрешения съездить в консерваторию. Прием был уже закончен, но для человека с такой боевой биографией сделали исключение. Экзаменовали юношу профессора, и мнение было единым: поразительные способности!

...Государственный симфонический оркестр СССР, во главе которого стоял К. Иванов, с огромным успехом гастролировал в Англии и Мексике, Соединенных Штатах и Бельгии, Франции и Канаде. Где он только не был!

...Константин Иванов приехал как-то в гости к человеку, который в свое время просил полковых музыкантов помочь мальчонке приобщиться к музыке. Это была очень теплая встреча «отца» и «сына» — маршала С. М. Буденного и дирижера Константина Иванова.

— Послушай, Костя, а ты не забыл еще наши боевые сигналы?— спросил Семен Михайлович.

— Что вы, товарищ командарм, как можно!

И бывший полковой горнист торжественно спел боевые сигналы Первой Конной армии.

И встретились два бывших кавалериста — командарм и дирижер.

КАК «ЦЫГАН» СТАЛ ПОЭТОМ

Несколько лет назад комиссар милиции Василий Демьянович Пушкин показал мне фотографию беспризорника и сказал:

— В 1926 году этот парень частенько фигурировал в хронике московских происшествий и имел уже две воровские клички: «Цыган» и «Директор».

Разговор наш перешел на

какую-то другую тему, и к Цыгану мы больше не возвращались. Но вот как-то в мои руки попала книжка стихов Павла Железнова. Я всмотрелся в портрет автора, и он мне показался знакомым. Однако никак не мог припомнить, где же я его видел. Павел Железнов, Павел Железнов... И стихи... Вспомнил...

Павел Железнов и красивый парень на снимке, показанном мне комиссаром,— одно и то же лицо!

Я снова пошел к Василию Демьяновичу.

— Что же вы не сказали мне о судьбе Цыгана?.. Помните, показывали фотографию?

Он улыбнулся.

— К слову не пришлось. Да и вообще... Ну раз вы уже знаете...

И он рассказал мне любопытную историю.

В 1926 году во время облавы у Краснохолмского моста милиционер Александр Иванов отобрал у одного из задержанных парней какую-то тетрадь. В ней оказались стихи. Иванов был не только боевым милиционером, но и членом литературного объединения «Вагранка» при Рогожско-Симоновском райкоме партии.

— Слишком много «ножей»,— сказал он, прочитав.

— Не порежьтесь,— парировал Цыган.

Ну, а дальше все было, «как в кино». Александр Иванов не только привел Цыгана в свое литобъединение, но и посодействовал ему напечатать первые стихи, которые, кстати, помогли Железнову познакомиться с Алексеем Максимовичем Горьким...

Об этом рассказывал потом сам поэт, к которому мы приехали с комиссаром Пушкиным:

— Я даже не знаю, кому больше обязан своей счастливой литературной судьбой — великому писателю или скромному милиционеру.

Ему, Александру Иванову, Павел Ильич посвятил поэму. Вот строчки из нее:

В милиции на пол из рваных штанов
Случайно упала тетрадь.
И строгим голосом Иванов
Велел ее отобрать.
Перелистал, улыбнулся.
— Приятель,
Здесь есть и огонь и страсть,
Но хвастаешь зря.
Трудней и приятней
Делать вещи, чем красть!

— Да,— задумчиво протянул Павел Ильич,— Иванов сделал из меня не только поэта. Ведь это он тогда устроил меня на сезонную работу в отдел коммунального хозяйства Москвы... Потом я узнал, что этот замечательный человек погиб на фронте.

Павел Железнов в 1926 году.

Костя Иванов — студент Музыкального техникума имени Скрябина.

* * *

...Три судьбы. Три человека разных характеров, увлечений, профессий. Очень не похожие друг на друга. Они не помнят своих родителей. Их вырастила и воспитала страна, наше общество.

так...

П. И. Железнов и В. Д. Пушкин.

Клетнянский лес. Редакция партизанской газеты «Большевик» за обедом. Лена — Лилия Карастоянова — крайняя слева.

Вл. ПАВЛОВ

КОРРЕСПОНДЕНТ «КОМСОМОЛКИ»

Она была первым журналистом, которого я увидел в жизни.

Я наблюдал, как она работает. Ее вечно обуревал страх: а вдруг пропустит что-то очень важное, чего-то не увидит или не узнает вовремя?

— У журналиста не может быть перерывов. Его труд без конца.

— А во сне?

— И во сне... Знаешь, я сегодня не могла уснуть. Ворочалась-ворочалась, наконец, кажется, задремала. Вдруг будто ударил кто. Вспомнила: а что я знаю о вашей Софье Осиповне?

— А что о ней знать? Ну, повариха. Старая уже. Ну, суп варит, лепешки печет.

— Эх, ты! Суп, лепешки!.. А что она бежала из-под самого носа немцев? Не одна — с Веркой, с дочкой. Что пережила, передумала? Про это знаешь? А почему ее вызывают в штаб всякий раз, когда допрашивают пленных мадьяр?

— Кажется, она понимает по-мадьярски...

— А кто ее научил?

Я пожал плечами.

— Ага! А у нее муж—венгр. И жила она в Будапеште. Видишь, какая судьба.

Она рассказывала мне о моих же товарищах, о ближайших моих друзьях, с которыми я уж больше года бок о бок жил, ел из одного котелка, ставил мины на железных дорогах, ходил в разведку, участвовал в боях... Но именно она всякий раз открывала мне десятки не подмеченных мной подробностей, в которые вникала с необыкновенной тщательностью.

Помню, как она явилась к нам в землянку перед боевой операцией: мы шли в село Мужиново громить вражеский гарнизон.

— Ты с нами?

— Нет, не пускают...— Она с горечью передернула плечами.— Это твой вещмешок? Ну-ка покажи, что там у тебя!

Я развязал «сидор».

— Так,— проговорила Лена, деловито перебирая мои нехитрые пожитки.— Рубаха, портянки... Сало. Понятно. Листовки. А это?

— Это тол. А это бикфордов шнур.

— А для чего тебе метелочка?

— Мину маскировать... А зачем тебе?

— Надо. Все, что пишешь, должно быть достоверно. Начнешь выдумывать — читатель не поверит.

— Ну уж не поверит!

— А ты как думал? В малом соврешь — в большом веры не будет.

И я поразился: ну и профессия у журналиста! Не хуже, чем у разведчика,— каждое лыко в строку. Но лишь много позже понял: не всякому журналисту дано быть таким. Как, впрочем, не всякому разведчику...

Сколько раз мы сидели в тесном партизанском кругу, что сбивался по вечерам у железной печурки, которая постреливала искрами посреди землянки!..

— Где ты родилась, Лена?

— В Ломе.

— А где это — Лом?

— В Болгарии, на Дунае...

Снаружи ходили часовые, слышался скрип снега под их ногами. Сквозь щели в дверях беззвучно пробивались струйки морозного пара и растекались по земляному полу сизым, холодным туманом. Шел сорок второй. И шумел над землянкой глухо и тревожно заснеженный, промороженный насквозь, военный, партизанский Клетнянский лес...

А Лена говорила о Болгарии. О своей матери — знаменитой болгарской революционерке Георгице. О том, как вместе с матерью сидела она в царской тюрьме и как ее, совсем еще девчонку, вызволил оттуда МОПР и привез в далекую северную Москву,

в детский дом, что возле зоопарка. И о том, какое участие в ее судьбе приняла семья Емельяна Ярославского...

Она рассказывала о своем отце Александре Карастоянове — он командовал партизанским отрядом во время антифашистского восстания в двадцать третьем и был убит. О Георгии Димитрове и Христо Ботеве. О Плевне и о Шипке, на которой бок о бок с русскими солдатами дрались против турок болгарские ополченцы.

А нам казалось невероятным, что есть на свете теплая страна Болгария, обласканные солнцем виноградники, овеянные легендами и преданиями горы, широкая, песенная река Дунай и белые праздничные пароходы на ней...

— Кончишь войну, небось, сразу на родину?

— Обязательно! А может, раньше... В наших горах немало партизан.

В тот раз я и решил: останусь в живых — и я побываю в Болгарии и в Ломе!

Лена прилетела к нам в сорок втором, в начале ноября. Впрочем, ее настоящее имя было вовсе не Лена, а Лилия. Но она решила, что для войны Лилия слишком нежно и сентиментально. И в партизанском «аэропорту», на прихваченном первом морозцем поле у деревни Николаевки, назвалась именем своей сестры — Лены.

В тот вечер наша диверсионная группа вернулась с задания. После того как был выпит трофейный шнапс и рассказаны все перипетии похода, мы по обыкновению уселись вокруг печки и затянули песню.

Мы не заметили, как тихо растворилась дверь и вошел командир нашего соединения генерал Федоров. Лишь когда допели куплет, один из нас повернул голову. «Смирно!»

— Вольно! Садись!— сказал генерал. И, обращаясь к кому-то сзади, добавил: — Знакомьтесь. Боги партизанской войны — диверсанты...

Тут-то мы увидели, что позади командира стоит кто-то смуглый, в большом не по росту белом армейском кожухе, подпоясанном ремнем, на котором, неуклюже сбившись к самой пряжке, болтается тяжелый пистолет в обшарпанной дерматиновой кобуре. Ушки солдатской шапки гостя были по-штатски связаны на затылке. А из-под шапки... Мы не поверили своим глазам: из-под шапки торчали две смешные косички!

— Это Лена Карастоянова,— продолжал генерал.— Корреспондент «Комсомолки». Прошлой ночью прилетела с Большой земли.

Шепот пробежал по землянке. Мы оживились, стали одергивать свои замызганные трофейные кителя и штатские пиджаки, приглаживать чубы, стирать осевшую на лицах копоть. Софья Осиповна, понимая, что по такому случаю без торжественного ужина не обойтись, не дожидаясь команды, села чистить картошку.

— Стоп, хлопцы!— сказал генерал, заметив наши приготовления.— Отставить банкет. Нам еще надо к разведчикам...

— Если разрешите, к разведчикам завтра,— сказала Лена.

— Завтра, конечно, завтра!— подхватили мы.

— Ну что ж,— согласился генерал.— Пусть будет по-вашему.

С этого времени Лена стала бывать у нас почти каждый день.

И всякий раз ее приход был для всего нашего взвода праздником.

Я и сейчас не могу толком объяснить, что именно привлекало нас к ней. Может, ее рассказы? Может, тоска по книгам, которых почти не видели во вражеском тылу? Мы готовы были без конца слушать «Фронт» и «Василия Теркина», прихваченные Леной из редакционной библиотеки. В моих ушах и до сих пор звучит ее голос:

> Переправа, переправа!
> Берег левый, берег правый.
> Снег шершавый...

А может, просто появление маленькой, хрупкой Лены в нашей темной и сырой землянке будило в нас давнее, полузабытое, истоптанное и перепаханное войной.

Да, каждому из нас хотелось казаться лучше, и лестно было заслужить ее одобрение. Мы стали покладистей, терпимей друг к другу. И даже самые заядлые ругатели, которые в иное время по всякому поводу и без повода поминали всех святителей до двадцатого колена, в присутствии Лены дальше «черта» не шли...

Всякий раз, когда диверсионные группы возвращались с боевых заданий, командир взвода, оглядев трофейные яства, добытые в походе, откладывал лучшее «на вечер». К приходу Лены.

Лена числилась бойцом отдела пропаганды. Отдел издавал партизанскую газету «Большевик», в которой выступала и Лена. Приходилось ей делать и разную редакционную работу — вычитывать гранки, править статьи. Выправленные ее пером наши партизанские заметки не стыдно было напечатать и в центральной прессе...

Меня не раз отряжали встречать и провожать ее. И, хоть я и не показывал виду, эти поручения радовали меня.

Между землянкой отдела пропаганды и нашей лежал глубокий овраг, на дне которого светлел подернутый тонким ледком лесной ручеек. По правде сказать, мне очень хотелось взять Лену за руку, чтобы помочь ей карабкаться на крутые, заснеженные откосы оврага. Но я стесняся. Лишь изредка, когда Лена оступалась, я помогал ей удержаться на ногах. Однажды, поддерживая ее, я сам оступился и кубарем полетел вниз.

Чертыхаясь про себя, я вылез из сугроба и принялся отряхиваться. И тут над самым моим ухом зазвенел смех. Рядом со мной медленно поднималась на ноги Лена. Шапка ее упала, волосы были в снегу.

— Ты тоже не удержалась?

— Да нет же! Я следом за тобой прыгнула. Из солидарности!

Однажды мне пришлось поехать с Леной в подлесные села — Болотню, Тельчу, Николаевку. Мы отправились туда вместе с нашей партизанской агитбригадой. В агитбригаду входили лектор ЦК КП(б)У Лидия Ивановна Кухаренко, украинский писатель Мыкола Шеремет, Лена, киномеханик с передвижкой, которую доставили с Большой земли вместе с единственным фильмом «Разгром немцев под Москвой».

В каждом из сел прибытие агитбригады — целое событие. Все, кто мог ходить, толпами собирались послушать и порасспросить «москвичей» (кто ни прилетал из-за линии фронта, у нас считался москвичом). А фильм, что называется, засмотрели до дыр. От желающих крутить «солдат-машину» — ручной электрогенератор,— хоть это и нелегкий труд, не было отбоя. Хозяйки спорили, чьей простыне выпадет честь послужить экраном. В импровизированных кинозалах яблоку негде упасть.

— Ты понимаешь, как это здорово?—шепотом спрашивала меня Лена.— Фильм! Здесь, в тылу врага! И какой фильм — «Разгром немцев под Москвой»! Икнется господам гестаповцам!

Но вот закончилась последняя часть, и в зале «вспыхнул свет» — зажглись каганцы и лучины. Оставив меня, Лена протиснулась в самую гущу зрителей, которые и не думали расходиться. Я услышал, как она заговорила с какой-то немолодой крестьянкой:

— Муж есть? В армии? И сын тоже?.. Может, как раз под Москвой воевали? А еще есть дети?

— Двое... Малые еще.

— А корова?

— Была, да полицаи свели. Одной картоплей и живы...

— Да, тяжело нашей сестре...

Это сказано просто, без тени игры, без всякого желания подделаться под собеседницу. Да, действительно тяжела женская доля в военное лихолетье. И там, за линией фронта, и в армии, и в партизанах. Тут, на полоненной земле. Тут, может, тяжелее всего. И вот уже толпятся вокруг Лены бабы и девчата, о чем-то рассказывают и расспрашивают. И кажется, она своя здесь, в русском селе, эта болгарская девчонка, рожденная на далеких, гористых берегах Дуная...

Перед Новым годом мы всерьез заговорили о том, чтобы Лену перевели в наш подрывной взвод. Командир и политрук взвода обсуждали доводы, которые они приведут, чтобы командование соединения согласилось на этот перевод. Прикидывали, как будут уламывать начальника отдела пропаганды и редактора партизанской газеты «Большевик» Павла Васильевича Днепровского, который, по совести говоря, косо поглядывал на Ленины визиты к нам во взвод. Старшина Пинчук добывал доски, чтобы отгородить для Лены закуток в землянке.

Но судьба решила иначе.

Ежели в лагере построили землянки и обжились,— стало быть, жди незваных гостей. Это уж верная партизанская примета.

В январе сорок третьего командование германского вермахта, готовившее наступление под Курском, решило очистить от партизан Клетнянский лес.

Каратели обложили лес со всех сторон. Но наша разведка все-таки нашла слабину в кольце...

На опушке наша колонна остановилась. Пробежал от саней к саням приказ: не ходить, не говорить, не курить. Лена — она шла с нашим взводом — притаилась рядом со мной у саней со взрывчаткой и минами.

Под ночным небом сгустилась тишина. Мы напряженно ждали.

— Не замерзла, Лена?

— Т-сс!— чуть слышно донеслось в ответ.

Рядом с нами из темноты вынырнул конный связной.

— Комвзвода! — тихо окликнул он, нагибаясь с седла.— Начштаба приказал послать подрывников в хвост колонны, в отряд Тарасенко. След заминировать надо. Кто пойдет?

— Да вот он и пойдет!— кивнул на меня командир взвода.

Мне стало горько и обидно. Но делать нечего. Стараясь не шуметь, я вытряхнул в сани содержимое вещевого мешка, достал из-под брезента пару мин, проверил, есть ли в карманах взрыватели. Лена, как умела, помогала мне затянуть «сидор».

А колонна тем временем пришла в движение. Темнота наполнилась звуками: мягким шуршанием полозьев, глухим шлепаньем копыт, скрипом и скрежетом снега под сапогами...

Хвост колонны уже вышел на опушку леса, когда впереди вдруг выросло багровое дерево взрыва. Часто и резко загремели пулеметные очереди. Захлебываясь, зачастили автоматы. Взмыли ракеты. Стало светло, как днем.

Поле вмиг преобразилось, усеялось точками бегущих, ползущих, недвижимых людей. Громоздились опрокинутые сани. Бились в упряжках раненые кони. И над всем этим скрещивались и переплетались разноцветные ленты пулевых трасс...

Я понял, что этого мертвого поля мне не пересечь, что наше соединение, товарищи, Лена— все безнадежно отрезано. Быть может, навсегда...

Стиснутый со всех сторон в окруженном Клетнянском лесу отряд Тарасенко долгие дни отбивался от вражеских частей, прочесывавших лес вдоль и поперек. Пришлось бросить все: и лошадей и повозки. Полуживые от голода и усталости, вырвались мы наконец из кольца. И лишь через месяц на границе Черниговщины я догнал родное соединение.

— А Лена? Где же Лена?— спросил я, вырываясь из объятий товарищей, которые давно уже считали меня погибшим.

И по тому, как все потупились и примолкли, я понял, что случилось непоправимое...

Позже мой друг, подрывник Вася Коробко, рассказал мне подробности Лениной гибели.

Почти на стыке трех республик — Украины, Белоруссии и России — есть невеликое село Будище. В этом селе по дороге на родную Черниговщину остановилось на дневку наше партизанское соединение.

Задымили трубами хаты, загремели ухватами хозяйки у печей, начали расстилать снопы соломы — укладывать партизан спать. Вдруг на околице села загремели выстрелы. На ходу натягивая полушубки и шинели, партизаны бежали к месту, где гремел бой.

Как выяснилось, немецкий обоз

●

Антонис Ван-Дейк. ПОРТРЕТ ВОИНА В ЛАТАХ.

Дрезденская галерея.

Антонис Ван-Дейк. СЕМЕЙНЫЙ ПОРТРЕТ.

Ленинград. Государственный Эрмитаж.

заплутал в метели и наткнулся на партизанскую заставу.

Вместе с Васей Коробко на улицу выскочила и Лена.

Навстречу им бежал комиссар первого батальона Иван Горелый.

— Можно и мне туда?

Комиссар на бегу покрутил головой и махнул рукой. Но Лена этот жест истолковала по-своему.

А бой-то уже подходил к концу. Почти все немцы были перебиты, часть спаслась бегством, и лишь два-три, обложенные в кустах, еще отстреливались.

Неподалеку от крайнего дома стояли брошенные сани. Из них торчал ствол миномета. Наверное, Лене собственными руками хотелось доставить трофей...

У самых саней Лена привстала на колени. Так было удобнее снять тяжелый минометный ствол. И в этот момент протрещала очередь. Последняя в этом бою...

Пуля попала Лене в сердце.

Ее похоронили в Буднице с воинскими почестями. А после войны перенесли прах в районный центр Чечерск...

* * *

С тех пор прошло почти четверть века.

Я не забывал того, о чем мечтал в юности в холодном, заснеженном Клетнянском лесу. Но поездка в Болгарию не удавалась.

Наконец в минувшем году мне повезло: в сентябре я и украинский писатель Василь Большак по приглашению редакции болгарского журнала «Наша Родина» приехали в Болгарию.

— Что бы ты хотел повидать в нашей стране?— спросили болгарские коллеги-журналисты.

— Лом,— не задумываясь, ответил я.

И вот розово-серая редакционная «Волга» петляет в ущельях хребта Стара-Планина, того самого, о котором рассказывала Лена в Клетнянском лесу. За рулем один из редакторов «Нашей Родины», Иван Йовков. Рядом с ним журналист Величко Койчев. А позади восседаем мы с Большаком.

Иван Йовков великолепно ведет машину. До того как окончить университет и стать журналистом, он долгое время был шофером-профессионалом.

Но, пожалуй, еще лучше, чем машину, Йовков знает историю своей страны начиная с самых древних времен. И, уж конечно, историю возникновения и действия болгарских партизанских отрядов в годы второй мировой войны. И это не удивительно: сам Иван Йовков с детства принимал участие в революционной борьбе. А его дядя со стороны матери, Атанас Романов, был расстрелян фашистами. Сидя в камере смертников, он продиктовал товарищам свои воспоминания, которые назвал дневником... Он еще не кончил диктовать, когда в камеру постучали. За Атанасом Романовым явились палачи.

«Он хотел сказать что-то еще,— записали в «Дневник» его товарищи,— но только махнул рукой и ушел».

За минуту до гибели, чтобы показать свое презрение к врагам, Атанас Романов сам расписался на кресте, который должен был быть установлен на его могиле.

«Дневник» болгарского коммуниста Атанаса Романова как самая святая реликвия хранится в семье Йовковых...

Поросшие вековыми буками и елями склоны Стара-Планины — истинно партизанский край.

Тогда в Клетнянских лесах Лена не ошиблась, рассказывая, что и на ее родине тоже немало партизан. Нет в Болгарии ни единого лесного и горного урочища, где б не таились партизанские четы и бригады, наводя ужас на прогитлеровских правителей страны.

И здесь, в горах Стара-Планины, совсем неподалеку от набитой гитлеровскими войсками Софии, тоже дрался крупный партизанский отряд под командованием нынешнего министра обороны НРБ Добре Джурова.

Здесь же, в этих горах, пролегали когда-то, во время антифашистского восстания 1923 года, партизанские тропы ленинного отца — Александра Карастоянова. И если б осталась Лена в живых, кто знает, может, еще в годы войны занесла б ее судьба в партизанские горы Болгарии...

Но вот и Лом — небольшой чистенький городок, прижавшийся к самому берегу Дуная.

Первым долгом — в редакцию местной газеты «Народна трибуна», к заместителю главного редактора Ечке Ивановой.

Приближался вечер, и Ечки уже не было на работе, не нашли мы ее и дома.

— Ничего!— улыбаясь, сказал мне Йовков.— Разыщем!

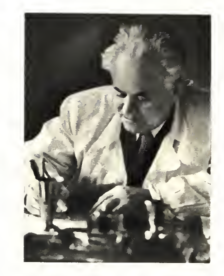
И верно: у нас сейчас же нашлись помощники. Один из рабочих типографии, в которой печатается «Народна трибуна», вызвался сопровождать нас. Сын Ечки Игорь, мальчуган лет двенадцати, вместе со своими друзьями-пионерами тоже отправился на поиски. И не прошло и получаса, как мы увиделись с Ечкой...

С Ечкой Ивановой у меня старая заочная дружба. Мы начали переписываться лет восемь тому назад. Именно от нее я узнал, что вЛоме увековечены имена всех погибших членов семейства Карастояновых. Именем ее матери Георгицы назван интернат для детей. Именем отца — Александр Карастоянов был врачом — городская больница. А имя нашей Лены — Лилии Карастояновой — носит Дом пионеров.

И вот он, этот дом, в саду, среди цветов, за красивой решетчатой оградой. Здесь все дышит Леной, все напоминает о ней. И мемориальная доска у входа под колоннами. И портрет кисти художника из Лома Петра Панайотова. И собранные пионерами воспоминания, фотографии, документы, которые показала нам директор Дома пионеров Павлина Борисова.

Но более всего мне понравился большой, затянутый красным стенд, что стоит у входа на втором этаже. В центре этого стенда большая фотография нашей Лены. Слева—портреты прославленных советских подпольщиков и партизан. Справа — героев народно-освободительной войны в Болгарии.

Я долго стоял и смотрел на тот стенд. Передо мной с небывалой ясностью вновь встала зимняя ночь на опушке сурового Клетнянского леса, заснеженное поле, мертвенный свет ракет, грохот выстрелов и разрывов. И живые ленины глаза, взволнованные, но твердые, заглянули в мои. И я увидел ее, как в тот, последний раз, на опушке Клетнянского леса — маленькую девушку в белом армейском кожухе...

ПОИСК ВО ИМЯ ЖИЗНИ

Имя Василия Павловича Комисаренко широко известно на Украине. Да только ли в нашей республике?! Его труды, крупного ученого, руководителя Научно-исследовательского института эндокринологии и обмена веществ Министерства здравоохранения Украины, пользуются большим уважением во всей нашей стране и за ее рубежами.

В 1926 году комсомолец Василий Комисаренко закончил Киевскую фельдшерскую школу. Он избрал нелегкий путь. И теперь, когда позади годы учебы (хотя, по его признанию, этот процесс для исследователя не кончается никогда), годы трудного поиска, результаты которого опубликованы в виде 120 научных работ, посвященных сложным проблемам эндокринологии, и четырех крупных монографий, когда известно, что академик АН УССР В. Комисаренко — автор трех важнейших изобретений, которые связаны с усовершенствованием производства инсулина и разработки методов получения новых гормональных препаратов — спленина и кортикотонина, казалось бы, можно спокойно оглянуться на пройденный путь, сознавая, что шесть десятков лет прожито недаром.

Но вот входишь в институт академика Комисаренко, слушаешь его речь, обращенную к своим соратникам и ученикам, или видишь его, председателя Украинского комитета защиты мира, на трибуне перед рабочей аудиторией в Киеве или в зале конгресса в Хельсинки, и понимаешь, что покоя нет и не может быть в сердце коммуниста-ученого.

Я никогда не забуду, как однажды в дороге, по пути на Всемирный конгресс защиты мира, Василий Павлович с волнением рассказывал случайным вагонным спутникам о том, какую беду принесли людям ядерные испытания, что за зло произошло в Хиросиме и Нагасаки и что должны делать люди доброй воли, чтобы преградить дорогу войне...

...Поезд летел сквозь ночь. Ритмично стучали колеса вагонов на стыках рельсов, люди напряженно и благодарно слушали Комисаренко, и становилось понятным, что без этих людей, к которым он обращался доверительно и с надеждой, немыслима для него ни работа в своих лабораториях, ни участие в общественной жизни страны.

Мне довелось в дни войны и в послевоенные годы быть свидетелем целого ряда встреч молодого тогда еще ученого с маститым академиком президентом Академии наук Украины А. А. Богомольцем.

Александр Александрович Богомолец говорил о Василии Комисаренко: «С ним приятно работать, он упорно и самоотверженно ищет истину».

Любовь к человеку для настоящего ученого неотъемлема от всех его дерзаний и стремлений. Тысячу раз был прав Фредерик Жолио-Кюри: «Люди вправе ждать от ученых добра!»

Василий Павлович Комисаренко встречает свое шестидесятилетие во всеоружии. И оружие это светлое и доброе. Оно призвано помогать людям бороться со страшными болезнями, продлевает им жизнь.

Таким мы знаем Василия Павловича Комисаренко, и за это мы благодарны ему, воспитанному партией и народом, давшим ему, сыну незаможника, путевку в светлую и добрую жизнь.

Натан РЫБАК

Киев.

С МЕЧТОЙ ОБ АЭЛИТЕ

Представьте, что космический корабль летит к Марсу. Рейс проходит нормально, и вдруг земные станции слежения принимают от корабля сигнал бедствия, и... связь прекращается. Как же оказать помощь космонавтам?

С развитием науки и техники космические полеты станут все безопаснее, а средства спасения совершеннее. Они, видимо, будут осуществляться с расчетом на использование постоянно действующих космических станций, расположенных на различном удалении от Земли, стационарных научно-исследовательских баз на Луне, управляемых по радио космических аппаратов, которые, отрываясь от баз, будут выполнять поиск и спасательные работы.

Об обеспечении безопасности человека в космическом пространстве рассказывается в книге «Космическая биология и медицина», вышедшей под редакцией профессора В. Яздовского. В ней рассматривается целый комплекс сложнейших вопросов. В первом разделе говорится о нашей Солнечной системе, о межпланетных трассах и методах космических исследований, в частности об исследовании космического пространства, планет и Луны с помощью космических аппаратов.

Во втором разделе книги подробно разбирается влияние на живой организм различных видов перегрузок, состояния невесомости, космической радиации. Читатель также узнает о том, как создаются нормальные условия жизни в космических кораблях.

Проникая все дальше и дальше во Вселенную, человек, быть может, достигнет населенного космоса. Но пока он в самом начале этого неизмеримого пути. Книга «Космическая биология и медицина» представляет интерес не только для специалистов, но и для тех, кто с волнением следит за полетами космонавтов, кто мечтает об Аэлите.

А. ГОЛИКОВ

Академия наук СССР. «Космическая биология и медицина». Издательство «Наука». Москва. 1966 год.

К 100-летию со дня рождения В. В. Вересаева

В памяти долгой...

Обычный будничный день 1939 года. Но для нас он необыкновенный: мы ждем в гости Викентия Викентьевича Вересаева. Мы — коллектив молодежной драматической студии. Волнуемся очень. Ведь один из самых известных писателей! Соратник Чехова, Короленко, Горького. Какой он?

С этого дня началась интересная дружба старейшего советского писателя и юношеского коллектива. Нам дано было испытать ту ни с чем не сравнимую, глубокую радость, когда в восприятии воедино сливаются творчество писателя и его внутренний облик. Большой писатель раскрывался и как большой, настоящий человек. С поверхности событий он уводил на поиски их сокровенного смысла, помогал увидеть главное, поднять его над обыденностью.

Рассказывать просто, жить просто, открываться к людям так, чтоб им стало с тобою легко и просто,— это было не надуманным «стилем» В. В. Вересаева, это было его сущностью. Человек поражающей эрудиции, блестяще образованный (он окончил два факультета: историко-филологический и медицинский), всю жизнь занимавшийся литературоведением, глубоким изучением философии, языков, он был удивительно прост в общении. За каждым его высказыванием, за каждым вопросом вы угадывали огромный самобытный ум, но это не стушевывало вас, не подавляло, а, напротив, даже как-то возвышало. И это потому, что вы чувствовали с его стороны очень серьезный, искренний интерес к себе.

Располагал и внешний облик Викентия Викентьевича. Не было в нем ничего броского. Черный китель или темная рубаха со стоячим воротником, подпоясанная ремешком, пенсне, сквозь них взгляд, поначалу кажущийся несколько суровым. Это оттого, что напряженно работала мысль. Особенно же впечатляла, вызывала уважение всегдашняя подтянутость — она говорила о внутренней собранности.

Как взыскательно требователен к себе был Вересаев, показывает хотя бы такой эпизод из далекой предреволюционной поры. Беспокойная, думающая молодежь искала встреч с писателем, чьи книги («Записки врача», «На японской войне») будоражили мысль, будили совесть, звали к протесту против социальной несправедливости. Ему приходилось то и дело участвовать в диспутах, выступать с лекциями. И тут Викентий Викентьевич с огорчением замечает, что утомляет слушателей: он не умеет говорить громко, выразительно. Тогда писатель начинает упорно заниматься дикцией и постановкой голоса.

Совсем не было в Викентии Викентьевиче мелкого писательского самолюбия. Закончив произведение, он обычно отдавал его на суд слушателей. Причем порядок высказываний был

Советские шахматисты гордятся тем, что в ряду десяти лучших спортсменов года стоит и чемпион мира Тигран Петросян. А в грузинской золотой десятке оказались две шахматистки: чемпионка мира Нона Гаприндашвили и чемпионка СССР Нана Александрия. В Тбилиси, городе славных шахматных традиций, до сих пор помнят чемпионат 1959 года, когда дуэль между Т. Петросяном и Б. Спасским закончилась победой Петросяна. Когда четыре года спустя Петросян завоевал титул чемпиона мира, он заявил, что Ботвинник допустил серьезный просчет, не участвуя в крупных турнирах, и прежде всего в чемпионатах СССР. Петросян был прав. Но жаль, что нынешний чемпион мира допускает ту же ошибку. В Тбилиси Петросяна ждали с нетерпением, и его отказ за тридцать часов до начала турнира вызвал много огорчений.

Неудачный старт экс-чемпиона мира В. Смыслова еще раз показывает, как опасны простои. Смыслов в истекшем году мало играл в шахматы и начал турнир с того, что проиграл Васюкову. Неузнаваем был Смыслов во встрече с Полугаевским. Киевский мастер находился в нокдауне, но Смыслову так и не удалось его нокаутировать. Мучительной была встреча его с М. Таймановым. Эта музыкальная пара неоднократно выступала на сцене в качестве певца и пианиста. Тайманов однажды аккомпанировал Смыслову на концерте в Нью-Йорке. Увы, в партии пятого тура в Тбилиси Смыслов уже в дебюте взял «фальшивую ноту» и попал в плохое положение. Достаточно сказать, что экс-чемпион мира над первыми десятью ходами думал один час сорок минут! В дальнейшем игра протекала с переменным успехом, но при доигрывании победил Тайманов.

В Тбилиси в шутку говорят: «Турнир идет уже второй год» (ведь чемпионат начался в последние дни 1966 года). Но как бы то ни было, участникам предстоит очень длинный и очень трудный путь: ведь на чемпионате СССР решается вопрос не только о лучшем шахматисте страны, но и о составе советской делегации на межзональный турнир.

Думаю, что на финише счастливым будет себя чувствовать не только первый, но и следующие за ним трое участников. Кто попадет в эту заветную когорту, предсказать невозможно, так же как и угадать фамилию претендента, но многие знатоки считают, что наиболее острый вариант предстоящего матча на первенство мира такой: Петросян — Корчной.

Виктор Корчной — шахматист с очень злым характером, но в Тбилиси пока никакая спортивная злость не помогает. Чемпион страны Л. Штейн начал турнир с двух побед, но этот победный счет прервал Е. Геллер. В прошлом году он разгромил Штейна в Кисловодске, на командном первенстве страны, а теперь нанес ему поражение и в Тбилиси. Лев Полугаевский начал еще хуже — с двух поражений. Кому же в этом турнире хорошо? Ведь не может же быть всем плохо! Хорошо Д. Бронштейну, ему, очевидно, не нравится, что его стали звать ветераном, и он играет легко, непринужденно, избегая привычных для него цейтнотов. Хорошо живется в Тбилиси мастеру А. Лейну. Очень скромный человек, Лейн за доской действует так агрессивно, что гроссмейстер Полугаевский, к примеру, был им заматован самым непостижимым образом. После шести туров Лейн являлся единоличным лидером, а после восьми — лишь Бронштейну и Геллеру удалось с ним сравняться...

Да, рубка идет, как обычно на чемпионатах СССР, жестокая. Подумайте только: уже после четвертого тура лишь семи участникам удавалось избежать поражений. Михаил Таль, который, к сожалению, является на этом чемпионате страны лишь наблюдателем, несомненно, прав, когда говорит, что сильное впечатление производит игра Суэтина. Гроссмейстеров у нас хватает, но далеко не все прогрессируют так стремительно. Е. Геллер и Р. Холмов не нуждаются в рекомендациях. Старт для них прошел более или менее нормально. А за кого же болеют тбилисцы? Гостеприимные хозяева не скрывают того, что с волнением следят за игрой В. Гургенидзе. Четыре тура этот способный шахматист, в общем, не огорчал своих земляков, но в последних двух потерпел неудачу. Но что же, неудач еще будет много, и не только у Гургенидзе. И хотя в Тбилиси даже в январе греет солнышко и витаминов сколько угодно, завидовать участникам чемпионата не следует: уж очень трудно им не только завоевать первенство страны, но и приобрести путевку в Тунис.

С. ФЛОР,
международный гроссмейстер
Тбилиси, по телефону.

ЛИСТАЯ ЧУЖИЕ СТРАНИЦЫ

«БЕСПОМОЩНЫЙ БОНН» И НЕОНАЦИЗМ

По странам Европы прокатилась волна протеста против возрождения фашизма в Западной Германии. В ряде городов состоялись демонстрации протеста.

На снимке: бывшие французские узники фашистских концлагерей у здания посольства ФРГ в Париже.

Фото АДН—ТАСС.

Это был один из многих тысяч военных заказов Пентагона американской промышленности. Правда, в данном случае речь шла не о ракетах и газах, а всего-навсего об электрических генераторах и электронасосах. Они предназначались для американских военных баз в Южном Вьетнаме.

Итак, заказ был сделан. Доллары американских налогоплательщиков были переведены из государственной казны в сейфы бизнесменов. Работа закипела.

Затем изготовленные генераторы и насосы совершили далекое морское путешествие. В связи с их доставкой в Сайгон там произошло два события. Во-первых, ярче солнца вспыхнули электрические огни новых увеселительных ночных заведений. Во-вторых, значительно расширилась сеть станций для мытья автомобилей. Генераторы пошли в упомянутые выше культурные центры, насосы — на моечные станции.

В интересах истины надо сказать, что электрооборудование

всегда одинаков: первыми говорили самые младшие (после маститых, пожалуй, ведь не решатся). Викентий Викентьевич обладал редким качеством: критику он выслушивал с признательностью.

Мне выпало счастье быть одно время секретарем Викентия Викентьевича. Навсегда сохранилось во мне чувство восхищенного удивления цельностью, моральной красотой его натуры. «Пусть человек во всех кругом чувствует братьев»,— еще в молодости записал он в дневнике. Проходит жизнь, вот ему уже 73, а эти слова, нет, именно не слова, убежденность все так же определяет его поступки. Отсюда всегдашняя готовность прийти на помощь, постоянная поддержка тех, кто в этой поддержке нуждался.

Кабинет Викентия Викентьевича Вересаева. Обычный, большой письменный стол, чернильница — такая, как в любом доме, диван, столик с пишущей машинкой. На стене портрет Чехова с личной надписью, пейзаж М. Волошина и большое изображение Венеры Милосской на темном стенде. И все. Но зато какая библиотека! Стеллажи заняли сплошь обе стены. Вот где было действительное богатство, вот что составляло единственную ценность, принадлежащую Вересаеву! Уму непостижимо, как и когда возможно было прочесть эти тысячи томов! Но каждая из книг свидетельствовала о том, что она не просто просмотрена, а прочтена хозяином с карандашом в руке.

Человечность, нетерпимость к фальши отличали Вересаева в жизни. Человечностью, правдой проникнуто и все его творчество. Поэтому оно всегда было созвучно времени. Путь поисков истины, пройденный самим писателем, сопряженный с противоречиями, ошибками, прозрениями, был путем лучшей части русской интеллигенции. Его произведения — живые страницы истории русского революционного движения.

Значительные произведения создает Вересаев в советское время. Динамика эпохи подсказывает ему новый жанр «Невыдуманных рассказов», сжатых, как пружина, стремительно развертывающих картины жизни. Неожиданным по форме стал также и фундаментальный труд «Пушкин в жизни». Очистив от официальной и великосветской лжи образ любимого поэта, Вересаев создает ему литературный памятник.

Увлеченно работал Вересаев последние годы над переводами поэм Гомера «Илиада» и «Одиссея». Творчество древних греков, по его мнению, перекликается с нашей действительностью радостным восприятием жизни, мужеством, стойкостью духа, поэзией борьбы.

Как праздник воспринимал Викентий Викентьевич появление в нашей литературе новых интересных произведений. Больше всего ценил он, если у писателя было «...свое характерное духовное лицо». Он прямо-таки озарялся, говоря о Пришвине:

«Тонкость какая... Словно не он, а сама душа природы разговаривает».

Живой правдой всегда трогали Вересаева произведения Шолохова. Их он ставил очень высоко.

Книгу «Записи для себя» он создавал как философский итог жизни. И последние его строки полны жизнеутверждения. Это думы о человеческом счастье, о путях развития искусства, и прежде всего о жизни. Незадолго до того, как навеки оборваться дневнику, Вересаев оставляет знаменательную запись: «Писательская моя сила — именно в связанности с жизнью».

И. ВЕСЕЛИТСКАЯ-ИГНАТИУС

Мы начнем теми словами, которыми западногерманский журнал «Шпигель» заканчивает свою статью о неонацистской партии НДП: «Проблема не сама НДП. Проблема — немцы, которые за нее голосуют».

Еще до появления на политической арене Бонна неонацистской партии Институт сравнительной социологии в Кельне предсказал, что в Западной Германии имеется довольно значительная прослойка населения, способная проголосовать за подобную «национальную авторитарную» партию. По данным института, примерно 15 процентов населения ФРГ относится к нацистскому прошлому скорее положительно, нежели отрицательно, полагая, что «национал-социализм сам по себе был не так уж и плох, но его плохо претворяли в жизнь».

Конечно, «плохо претворяли» — выражение не вполне ясное: то ли слишком мало концлагерей было в Европе, то ли слишком мало людей было убито и покалечено на войне?

Что бы там ни имелось в виду под словами «плохо претворяли», но наследница гитлеровской идеологии НДП действительно нашла своих избирателей среди западногерманского населения и тем самым вполне подтвердила теоретические выкладки кельнского института. Правда, в Баварии и Гессене за НДП пока проголосовал только каждый двенадцатый избиратель — это меньше 15 процентов.

«Шпигель» указывает, что НДП вызвана к жизни недовольством части населения политикой Бонна: «Прорыв НДП вовсе не является необъяснимым явлением на фоне политической и парламентарной беспомощности Бонна...» Вот как!

«Беспомощности Бонна»! До натовской атомной бомбы он, правда, почти дотянулся, но своей-то до сих пор не имеет. ГДР, конечно, не признает, но захватить ее не может. Реваншистскую политику проводит, но ведь войну-то еще не спровоцировал. Действительно, какой беспомощный Бонн!

Бонн, заслышав подобные упреки, оказался довольно самокритичным. Боннские политики тут же ударили себя в грудь кулаком и смущенно признались: «Да! Виноваты! Бес попутал: недостаточно были мы реакционны. Недостаточно агрессивны!» Оправдывает и даже поощряет немцев, проголосовавших за НДП, нынешний министр финансов Франц-Йозеф Штраус, когда говорит, что баварская и гессенская отрыжка фашизма является «ответом на долголетнее поливание грязью всего немецкого и всего национального». А бывший канцлер Эрхард гордо констатирует: «Мы опять выходим в люди».

Как тут не вспомнить горькие слова английской буржуазной газеты «Ивнинг стандард», писавшей после выборов в Баварии и Гессене, что для части немцев, по-видимому, является чуть ли не естественной потребностью «каждые 20 лет предпринимать что-нибудь этакое, от чего содрогается мир»!

Да, разумеется, мир содрогается от одной мысли о войне и фашизме. Мир — это миллионы нормальных людей, которые не хотят ни того, ни другого. И не допустят!

Л. СТЕПАНОВ

было доставлено по столь неожиданным адресам не по накладным Пентагона. С накладными все было в порядке. Но дело в том, что американские оккупанты-коммерсанты давно превратили Сайгон в сплошной черный рынок. В данном случае они расписались в получении генераторов и насосов и тут же пустили их «налево»— продали местным дельцам, владельцам ночных заведений и моечных станций. Такого рода махинации считаются здесь весьма заурядными.

Да, экспорт американских штыков и американского образа жизни дал в Сайгоне закономерные всходы. Сразу за углом американского посольства обосновался черный рынок с узкой и тонкой специализацией: спиртные напитки, транзисторы, кино- и фотокамеры. Напротив полицейского участка второго округа есть другой нелегальный торговый центр, но товары здесь попроще: армейская обувь, обмундирование. Около церкви Искупления оккупанты-спекулянты делают бизнес на продуктах, получаемых из США. И по другим сайгонским адресам можно продать и приобрести немало полезных вещичек, изготовленных в США, а заодно с выгодой для себя поменять доллары на пиастры по курсу валютчиков.

На черном рынке американские солдаты и офицеры преуспевают куда больше, нежели на поле боя. Об этой коммерческой стороне их деятельности была вынуждена заговорить и американская печать. Но до последнего времени мало кто подозревал о подлинном размахе торговых операций на сайгонском фронте. А размах этот оказался поистине американским. Досужие люди подсчитали, что в 1966 году коррупция поглотила сорок процентов (!) американских средств, направленных в Южный Вьетнам.

Этими досужими людьми оказались корреспонденты агентства Ассошиэйтед пресс, которые в течение двух месяцев специально изучали эту проблему в Вашингтоне и Сайгоне. Они, например, пишут, что в Сайгоне район выгрузки американских товаров и снаряжения «превратился в место, где нет никаких законов, кроме одного — украсть и переправить похищенное». Корреспонденты утверждают, что «эти операции проводятся высокоорганизованной бандой, связанной в Сайгоне с местными правительственными кругами».

Если расшифровать это утверждение, то легко будет уловить прямую связь между аферами американских оккупантов и махинациями сайгонских марионеток. Но ведь последние тоже покупаются и продаются на сайгонской барахолке по сходной цене. Получается замкнутый круг спекуляции и коррупции. Кровавый заколдованный круг! И что бы там ни писали корреспонденты Ассошиэйтед пресс, американской военщине не выйти из этого круга до тех пор, пока ее не выбросят из Вьетнама.

В. НИКОЛАЕВ

Имя Охлопкова, как имя Маяковского, неотделимо от революции, от советской жизни, от борьбы за коммунизм.

Так же, как Маяковский, Охлопков создавал новое искусство, входил в творческую жизнь необычно, семимильными шагами, раздвигая плечом все привычное, старое и подчиняя людей не себе, не своим затеям, а своим высоким мыслям, своему художническому настроению, своему видению жизни, целиком подчиненным большим задачам революции.

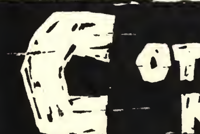
«Железный поток» — спектакль, поставленный Николаем Павловичем Охлопковым, казался огромным, даже грандиозным. Представлялось, что удивительный этот спектакль вмещал в себя всю бурную живую громаду революции. В нем бушевала неукротимая сила народа, вырвавшегося на свободу. Действие шло — нет, не шло, а кипело, гремело, взрывалось — рядом со зрителями, среди них и вокруг них. Оно ошеломляло, потрясало и захватывало зрителей, потому что Н. П. Охлопков воссоздавал в нем не просто грозную, разрушительную стихию масс, а поэтически воспевал революционное творчество народа, сплоченного единством воли, единством великой революционной созидательной цели.

Никогда не пугаясь смелого эксперимента, тут же подхватывая его, идя навстречу самым дерзким замыслам и предложениям актеров, режиссеров, художников, всей душой отдаваясь творческой выдумке, Николай Павлович, — руководитель театра нового типа,— подчинял каждую постановку главной задаче масштабного революционного искусства: крупному человеческому образу. Поэтому-то всякий охлопковский спектакль становился гимном передовым, смелым людям, борющимся за справедливость, против себялюбия и эгоизма.

Все, кто работал с Охлопковым, кто знал его, учился у него или просто даже встречался с ним, всегда видели в нем главную его суть: он сам был рыцарем, взыскующим добра и красоты. Подлинный романтик, художник-коммунист, он не ведал покоя в своей благородной одержимости творчеством, которое все до конца было отдано современности, ей посвящено и ею насыщено...

Охлопков скончался...

Театр имени Маяковского невозможно представить без Николая Павловича... Да это и не нужно! Верится, что память об Охлопкове, сама светлая и высокая душа великого русского артиста и режиссера, отданная без остатка этому театру, останутся жить в его стенах навсегда.

С ОТКРЫТЫМИ КАРТАМИ

Олег ШМЕЛЕВ,
Владимир ВОСТОКОВ

Рисунки Игоря УШАКОВА.

5. ИЗ МАГНИТОФОННОЙ ЛЕНТЫ № 18

Марков. На прошлом допросе вы говорили о ряде известных вам американских школ по подготовке агентуры, забрасываемой на территорию стран народной демократии и в Советский Союз. Тогда же вы упомянули о существовании специальной школы по подготовке разведчиков, расположенной в Гармиш-Партенкирхене. Расскажите, что вы знаете об этой школе?

Надежда. Американская разведка широко использует территорию Западной Германии для подготовки не только своей агентуры, забрасываемой в страны народной демократии и в Советский Союз, но и для подготовки легальных разведчиков. Для этих целей она создала разветвленную сеть специальных школ. Одна из них, готовящая легальных разведчиков, именуется школой языковой подготовки. Она находится в Гармиш-Партенкирхене.

Марков. Вам известно, кто эту школу возглавляет?

Надежда. До моей заброски в Советский Союз ее возглавлял подполковник Сандерс. К сожалению, больше об этой школе я ничего не знаю.

Марков. В записной книжке, изъятой у вас при аресте, имеется пометка «Об-ль пятьдесят пять». Расшифруйте эту запись.

Надежда. По делам службы мне часто приходилось бывать в городе Оберурзель. С этим городом меня многое связывает. Последний раз я там был в пятьдесят пятом году, о чем и свидетельствует запись.

Марков. Какие учреждения вы там посещали и с какой целью?

Надежда. Приезжал я только в одно учреждение — в американскую разведывательную школу.

Марков. Расскажите, что вам о ней известно.

Надежда. В Оберурзеле, примерно в девяти километрах от Франкфурта-на-Майне, по Хоермарктштрассе, на территории лагеря «Камп-Кинг», размещался крупный американский разведывательный орган, проводящий активную разведывательную деятельность против Советского Союза с территории Западной Германии. Организован он был американцами в сорок восьмом году. Назывался тогда «Разведывательный центр Европейского командования» номер семь тысяч семьсот семь.

Общее число сотрудников «Камп-Кинга» составляло свыше двухсот человек.

В лагерь доставлялись изменники, бежавшие с территории ГДР, и лица из других стран народной демократии. Они подвергались тщательному допросу и обработке, а после фильтрации некоторые из них вербовались и при лагере обучались основным методам шпионской работы. Срок обучения рассчитан на два-три месяца, после этого агентура направлялась в разведывательные школы в Роттах, Батвксзее и другие места.

Мои командировки в этот лагерь были связаны с подбором агентуры для последующего использования главным образом против Советского Союза.

Марков. К этому вопросу мы еще специально вернемся, а сейчас продолжайте показания по «Камп-Кингу».

Надежда. «Камп-Кинг» расположен в лесу. Лагерь занимал тогда территорию более одного квадратного километра, был огорожен высоким забором из металлических прутьев и колючей проволокой и круглосуточно охранялся. В ночное время освещался прожекторами. Всего на территории было, кажется, двенадцать одноэтажных деревянных бараков, одно четырехэтажное здание и шесть двухэтажных вилл — в них размещалась наиболее ценная агентура. Отдельные здания имели американские названия, например, Нью-Йорк, Аляска. По Хоермарктштрассе, напротив лагеря, имелось шесть больших вилл, которые раньше служили домами отдыха для престарелых учительниц. Потом эти дома были заняты разведорганом, и в них передерживалась агентура.

Марков. Что вам известно о руководящем составе этого органа?

Надежда. Из числа официальных американских сотрудников я знал начальника — полковника Феллоуса, его заместителя полковника Эммериха, начальников отделов: административного — подполковника Бардтлетта, контроля — майора Муррея, службы связи — Кассиди, группы по сбору научно-технической информации — лейтенанта Харлея, начальника разведывательного отдела подполковника Скотта — позже он был смещен и заменен майором Воллесом, Брансиейера,— сотрудника отделения военной разведки, офицеров разведки майора Брауна, лейтенанта Фоиса, Джейобса Джонсона.

Марков. Существует ли в данное время лагерь «Камп-Кинг»? Если да, то какой орган службы там сейчас дислоцируется?

Надежда. Лагерь «Камп-Кинг» по-прежнему продолжает функционировать. Мне известно, что сейчас там размещен штаб пятьсот тринадцатой группы военной разведки сухопутной армии США в Европе.

Марков. Кто этот штаб возглавляет?

Надежда. Кажется, полковник Дэвис, а его заместитель — подполковник Рольф.

Марков. Какие функции выполняет этот штаб?

Надежда. Штаб пятьсот тринадцатой группы разведслужбы армии США осуществляет руководство подчиненными подразделениями в разведывательных и контрразведывательных операциях, направленных против социалистических стран и главным образом против СССР.

Марков. Что вам еще известно о деятельности американских разведорганов, расположенных на территории Западной Германии?

Надежда. Там активно действовала американская разведслужба под названием «Ми-Ай-Ди». Так она именовалась до моей заброски сюда. Мне лично и по данным моих друзей известно, что «Ми-Ай-Ди» занималась главным образом сбором военной информации по Советскому Союзу и странам народной демократии, особенно ГДР. Серьезное значение придавалось также научно-технической, промышленной и экономической информации. В меньшей степени проявлялся интерес к вопросам политического характера. Что касается Советского Союза, то данные о нем получали в основном от вернувшихся немецких военнопленных, немецких научных специалистов, изменников. Главная квартира «Ми-Ай-Ди» находилась в Вашингтоне. Ей подчинялись, с одной стороны, аппараты военных и военно-морских атташе во всех странах, а также сотрудники военной разведки, работавшие там под прикрытием посольства и других представительств. С другой стороны, ею направлялись усилия и всех органов военной контрразведки, в частности по Германии.

Наиболее важные сведения, полученные всеми американскими разведслужбами во всех странах в военной, экономической, политической и других областях, концентрировались в так называемых «Разведывательных бюллетенях». Бюллетени оформлялись в виде книг объемом в пятьдесят — шестьдесят печатных страниц.

Разведслужба «Ми-Ай-Ди» на территории Западной Германии являлась крупнейшим разведывательным центром по сравнению с другими американскими разведслужбами.

Управление «Ми-Ай-Ди» в Западной Германии насчитывало около сорока отделов, выступающих под условными наименованиями «Джи» — один, два, три и так далее.

Разведывательный отдел выступал под названием «Джи-два», возглавлялся генералом Филипсом, а до пятьдесят четвертого года был генерал Макклюр. С генералом Макклюром я был знаком, он часто навещал моего отца.

Марков. Что вам известно о практической деятельности отдела «Джи-два»?

Надежда. Этот отдел вел работу в двух направлениях: а) систематизация данных в военной и других областях. Эти данные получались путем опроса известной категории лиц (бывшие военнопленные, беженцы, специалисты); б) непосредственная агентурная работа самой разведки на территории ГДР и в других странах народной демократии. Эта деятельность в основном велась через Западный Берлин.

С учетом этих двух видов работы разведывательное управление подразделялось на два сектора — гласный и негласный, то есть агентурный. Объединялись оба сектора в оперативном отделе, возглавляемом полковником Вильсоном. Последний подчинялся непосредственно генералу Филипсу.

Гласный сектор направлял деятельность лагеря «Камп-Кинг», возглавляемого полковником Феллоусом. Последнему подчинялся также лагерь в Ханау, который возглавлял сержант Мэттьюз.

Агентурный сектор во главе с полковником Карлином и его заместителем полковником Юсом имел в своем подчинении пятьсот двадцать вторую группу военной разведки в Берлине. Начальник группы — полковник Халлманн. У нее был филиал во Франкфурте, по Фельнерштрассе, двадцать восемь, во главе с капитаном Ольшевским.

Для связи с гласным сектором от отдела «Джи-два» (в городе Гейдельберге) в лагерь «Камп-Кинг» был прикомандирован мистер Карлссон. Последний также осуществлял наблюдение за опросной группой Вилтона в Берлине и занимался агентурной работой. В своей деятельности Карлссон непосредственно отчитывался перед полковником Карлином, а в административном отношении выполнял указания капитана Тэйлора, начальника отдела по учету и систематизации материалов в лагере «Камп-Кинг».

Основным источником получения сведений и базой вербовки агентуры «Ми-Ай-Ди» являлся лагерь «Камп-Кинг». Здесь концентрировались обычно лица, поступавшие в Западный Берлин и переходившие через демаркационную линию из ГДР в Западную Германию. Последняя категория людей опрашивалась предварительно в лагерях Ханау и Гиссен. Опрос беженцев, заявителей и тому подобных в Западном Берлине осуществлялся группой Вилтона. Лица, подлежащие опросу, поступали из находящегося здесь лагеря в районе Мариенфельде.

Марков. Расскажите, что вам известно о технике обработки и систематизации поступающих материалов в лагере «Камп-Кинг».

Надежда. Независимо от места поступления того или иного лица на него заполнялась карточка-формуляр белого цвета, включающая в себя установочные данные агента, его приметы, род деятельности и сведения из области, о которой он может предоставить информацию. Все эти карточки затем поступали в лагерь «Камп-Кинг» для оценки. Там на них в зависимости от ценности ставился гриф один-а, два-а, три-а, четыре-а. Наиболее интересными лицами считались объекты, идущие под грифом один-а. В отношении таких людей нижестоящим подразделениям давались указания, чтобы их направили для опроса в лагерь «Камп-Кинг». Из Западного Берлина они доставлялись специальными самолетами «Ми-Ай-Ди», курсировавшими по средам каждую неделю.

В «Камп-Кинг» кандидатуры классифицировались во время опросов по линиям разведки, и о тех из них, которые представляли оперативный интерес по военно-воздушной, военно-морской или другим линиям, ставились в известность связные офицеры данных разведслужб при лагере. Отобранных лиц последние направляли для дополнительного опроса в свои опросные пункты. Например, по линии военно-воздушной разведки — в город Бад-Зоден.

На всех опрашиваемых заполнялись желтые формуляры, которые классифицировались в зависимости от представленных материалов и вставлялись в картотеку лагеря. В ней в то время насчитывалось около пятидесяти тысяч точек.

По линии «Ми-Ай-Ди» вербовкой агентуры занималась пятьсот двадцать вторая группа военной разведки в Берлине и ее филиал во Франкфурте-на-Майне.

На завербованную агентуру в лагере «Камп-Кинг» имелась картотека, которая хранилась у мистера Трауттмансдорфа. В общей сложности в ней насчитывалось около трехсот аген-

---

Продолжение. См. «Огонек» №№ 1, 2.

тов. Картотека составлялась в восьми экземплярах и распределялась следующим образом:

экземпляр первый — пятьсот тринадцатой группе военной разведки (лагерь «Кэмп-Кинг»);

экземпляры два и три — в «Си-Ай-Си» (города Оффенбах и Нюрнберг);

экземпляры четыре и пять — пятьсот двадцать второй группе военной разведки (Франкфурт — Берлин);

экземпляр шестой — управлению ЦРУ во Франкфурте;

экземпляр седьмой — отделу «Эм-Ай-Ди» в Гейдельберге;

экземпляр восьмой — управлению армейской разведки.

Заполнение и рассылка такого количества карточек вызывались необходимостью избежать использования одной и той же агентуры в разведывательных и контрразведывательных целях.

В общем, можно сказать, что лагерь «Кэмп-Кинг» фактически являлся поставщиком агентуры для всех американских разведслужб в Западной Германии, включая ЦРУ. Подтверждающим фактом является также следующее: в Западном Берлине по Клей-Аллее, сто сорок шесть, в одном здании работали представители «Эм-Ай-Ди» (пятьсот двадцать вторая группа), военно-воздушной и военно-морской разведок, а также некоторые работники ЦРУ. Здесь же располагалась и опросная группа Вилтона.

М а р к о в. Этот вопрос ясен. Где сейчас работает генерал Маклюр и когда последний раз вы с ним встречались?

Н а д е ж д а. Последний раз с генералом Маклюром я встречался в пятьдесят втором году в Мюнхене. Он приезжал тогда инспектировать одну из американских разведшкол. Точно не помню, какую. Либо школу разведки военной полиции и специального оружия, находившуюся в городе Обераммергау, или же школу по подготовке специальных войск по ведению борьбы с партизанами, дислоцировавшуюся в городе Бадтельц. Я тогда должен был ехать в Африку, и наша встреча была короткой. На прощание он дал мне свой адрес.

М а р к о в. Вот список зашифрованных адресов из вашей записной книжки, изъятой при аресте. Скажите, кому они принадлежат. (Надежда расшифровывает адреса. На этом допрос прерван.)

6. СМОТРИНЫ В ТРЕТЬЯКОВСКОЙ ГАЛЕРЕЕ

Михаил Тульев, бывший Надежда, сильно изменился за три с половиной месяца, минувшие со дня ареста. В своем превращении он прошел через несколько этапов — от состояния крайней подавленности до полного душевного равновесия. Наблюдая череду этих последовательных изменений, полковник Марков находил наглядное подтверждение давно открытой истины, что для спокойствия духа человеку необходимее всего определенность положения, как бы плачевно оно ни было. Страшнее же всего неизвестность.

Как ни вышколен был профессиональный разведчик Тульев двадцатью годами опасного риска, но внимательный человек наверняка приметил бы натяжку и нервозность, если бы понаблюдал его в обличье Зарокова или Куркакова. Ведь под маской всегда остается свое собственное лицо. Теперь перед Марковым сидел человек без маски, и человек этот был спокоен. Ничто не напоминало о его прошлом.

— Газеты, журналы вам дают регулярно? — спросил Владимир Гаврилович.

— Да, спасибо. Я читаю и книги. Уже лет пятнадцать не читал, если не больше.

— Не было времени?

— Не в этом дело. Не было подходящего состояния души.

Марков пододвинул на край стола лист бумаги с тремя строчками машинописного текста.

— Вот также любопытное чтение.

Тульев пробежал глазами по строчкам.

«Надежде. Вам надлежит быть 2 ноября сего года от 17.00 до 17.15 (время московское) в Третьяковской галерее, зал Верещагина. Следующий сеанс связи — 9 ноября в те же часы».

— Захотели на вас посмотреть, — сказал Марков. — А отказывать мы не имеем права.

Тульев встал со стула, вытянулся по-солдатски во весь рост.

— Если вы мне доверите...

— Подождите, — остановил его Марков. — Сядьте и слушайте.

Тульев повиновался.

— Насчет доверия мы еще вообще побеседуем. Вы, наверное, обратили внимание, что наши встречи с некоторых пор не похожи на допросы, но не о том сейчас речь. — Марков сложил лист с радиограммой вдвое, сунул его в стол. — Рискую задеть ваше самолюбие, но скажу. Предположим, я вам не очень верю, но в галерею вы все равно пойдете. Провалить нас вам не удастся, потому что скорее всего и вам никто не подойдет. На вас просто посмотрят издалека, живы ли вы, существуете ли до сих пор. Вас мои рассуждения не обижают?

— Нет, я бы рассуждал так же, — без всякой какграниости ответил Тульев.

— Ну вот, собственно, мы и договорились. Как сказал бы опять-таки ваш знакомый Бекас, это слегка напоминает смотрины, только не так торжественно. И вы уж постарайтесь быть скромным.

— Я вас не подведу, — просто сказал Тульев.

— Рад буду, если не ошибусь... Но хочу спросить: вам не кажутся неосторожными действия ваших бывших шефов? Такие чрезвычайные меры... А может, не верят вам?

— Не думаю.

— Правильно, — согласился Марков. — Они подозревают, что вас подменили. Ну что же, вот вам случай на деле доказать чистосердечность ваших слов.

Тульев снова вытянулся перед Марковым и стоял молча.

— Завтра обсудим детали. — Марков нажал кнопку звонка. Вошел сержант. — Проводите.

...Второго ноября без четверти пять такси, везшее Михаила Тульева, въехало со стороны набережной в узкий Лаврушинский переулок и остановилось перед Третьяковской галереей. Тульев расплатился, захлопнул дверцу, кинул под колесо погасший окурок и, взглянув на часы, поспешил к входу, обгоняя многочисленных посетителей.

Покупка билета и сдача пальто в гардеробе отняли десять минут, расспросы о расположении залов — минуту. В зал, где висели картины Верещагина, Тульев вошел, тяжело дыша, словно бежал бог весть откуда, чтобы только взглянуть на груду человеческих черепов «Апофеоза войны». Но через минуту он был похож на обыкновенного неторопливого любителя живописи.

Пять минут протекло, десять — никто к нему не подошел, не заговорил. В четверть шестого он покинул Третьяковку, дошел до станции метро «Новокузнецкая» и, как было заранее предусмотрено, приехал на вокзал.

Но ехал он не один, а под надежной негласной охраной московских контрразведчиков.

Не исключалось, что за Тульевым могла быть организована слежка со стороны Активара. Так оно и получилось. Тульева сопровождал от самой галереи, не отпуская от себя на большое расстояние, пожилой мужчина, полный, коренастый, с лицом пьяницы. Этот человек — как потом было установлено, по фамилии Акулов — исполнял свое дело не очень-то квалифицированно, и обнаружить его не составляло большого труда.

Тульев, по всем правилам конспирации, по дороге периодически проверялся, но делал это больше для вида, вернее, для Акулова. Акулов бросил наблюдение за Тульевым, когда убедился, что тот, купив билет, сел в вагон поезда, идущего в город К. Надо полагать, больше от него ничего не требовалось. Теперь Тульев остался в окружении своих законных телохранителей. Допускалась возможность, что за ним могло вестись постоянное контрнаблюдение, поэтому имелось в виду доставить Тульева на прежнюю его квартиру в городе К. Он пробыл там недолго — всего два дня...

Итак, смотрины состоялись и были односторонними.

Теперь надо было предполагать, что разведцентр сделает из всей этой проверки какие-то выводы и при назначенном внеочередном сеансе связи облечет их в форму инструкций.

Но сколь ни был готов Марков к коварствам со стороны своего зарубежного противника, радиограмма от 9 ноября звучала несколько неожиданно.

Она была пространна и проникнута несвойственной таким посланиям задушевностью. Но вслед за похвалами Надежде и сочувствием в его тяжелой миссии следовали два важных пункта строго делового плана.

Во-первых, центр предлагал сменить шифр для радиопереговоров.

Во-вторых, указывал способ передачи нового шифра. Вот как это произойдет. Надежда должен 10 декабря подойти к табачному киоску, в котором работает человек по фамилии Акулов (особые приметы сообщались), предъявить ему пароль (который также сообщался) и от него получить пачку папирос с микропленкой, содержащей таблицы шифра.

Центр ожидал, что первым посланием Надежды, зашифрованным по-новому, будет его доклад о всей работе, проделанной за время пребывания в городе К.

Судя по этой радиограмме, центр начинал менять отношение к своему резиденту, возвращал ему доверие.

7. ПИСЬМО МИХАИЛА ТУЛЬЕВА К МАРИИ

Мария долго вертела письмо, изредка посматривая на посетителя, молодого человека, принесшего пакет, и недоумевала: откуда это и не ошибка ли? Она уже и забыла, когда в последний раз получала письма. Но на пакете стоял ее адрес и ее фамилия. С каким-то странным предчувствием вскрыла она этот толстый синий конверт.

«Здравствуй, Мария!» — прочла она на первом листе. Фиолетовые строчки поплыли, словно размытые волной: почерк был знакомый. Мария перевернула пачку маленьких листков и на последнем увидела подпись: Михаил.

Мария ничего не видела, ничего не слышала, будто в столбняке. И стояла так несколько минут, пока Сашка не заворочался в своей кроватке. Она склонилась над ним, но мальчик уже опять спал спокойно.

О том, что в комнате есть посторонний, Мария совсем забыла.

Подошла к окну, еще раз прочла первую строку, начала было читать дальше, но поняла, что лучше все-таки сесть... Опустилась на

пестрые страницы

— А дальше куда?
— В клуб веселых человечков!
Рисунок Е. Шабельника.

— Извините, я ищу свою жену...
Рисунок В. Тамаева.

— Скоро она растает, и морковка достанется нам.
Рисунок В. Дмитрюка и Н. Станиловского.

ЖЕЛЕЗНЫЕ ТУФЛИ

На одной из парижских выставок мод демонстрировались шляпы-шлемы и туфли, украшенные блестящими металлическими пластинками...

ЦЕРКОВЬ И МОДА

Для служителей церкви и монахинь по просьбе Ватикана в одном из римских салонов изготовлены новые модели одежды, не мешающие управлять автомобилем.

— А теперь снимем маски...
Рисунок А. Грунина.

— Иди спать!
— Не могу. Завтра экзамен по зоологии.
Рисунок В. Шкарбана.

тахту и поднесла письмо близко к глазам, хотя никогда близорукой не была.

«Здравствуй, Мария!

Мне разрешили написать тебе. И вот пишу. Не знаю, примешь ты это письмо или нет. Буду надеяться, что примешь.

В моем положении и после всего, что произошло, я не имею права просить прощения. Глупо будет также умолять, чтобы ты поняла меня, вернее, мои действия. Их ни понять, ни простить нельзя.

Но все же, если сможешь, прочти до конца. Это уничтожит неопределенность и неизвестность между нами. Моя задача сейчас простая. Я должен рассказать тебе, кто я такой на самом деле. Но ты не должна никому говорить про это письмо. Никому. Так просят тебя товарищи, которые разрешили мне писать. И я. Я и теперь еще не все и не до конца могу сказать и открыть, поскольку некоторые факты, касающиеся лично меня, касаются также других лиц и других дел. Но что можно — скажу. Это — хорошо продуманное письмо. Здесь я пишу правду и прошу мне верить.

Зовут меня Михаил. Фамилию настоящую пока сказать не могу.

Подробности нашей семейной жизни не интересны, я их опускаю, но в детстве моем был один важный момент. С тринадцати лет мой отец начал внушать мне ненависть к большевикам. Он всегда отделял Россию от большевиков. Россия — это одно, а большевики — другое. Слова у него не расходились с делом — он всегда работал против того, кого ненавидел. Я любил его и верил ему беззаветно.

Когда умерла мать, отец взял меня с собой. С тех пор я никогда и нигде не принадлежал себе.

У меня никогда не было дома, жены и детей. Был только отец, которого я видел редко, но очень любил. Теперь и его нет. О нем я скажу еще несколько слов потом.

В двадцать лет я уже был почти готов к самостоятельной работе, оставалось еще попрактиковаться кое в чем.

О войне лучше не вспоминать. Если бы можно было, я вычеркнул бы те годы из календаря.

Когда Гитлера разбили, многие остались без хозяина и без стойла. Но есть надо, по возможности вкусное. Голодных в Европе тогда было много. И грязных также. А еду и душистое мыло могли предложить только американцы. Они и предлагали — тем, кто не отказывался.

У нас с отцом выбора не было. Правда, после войны отец немного по-иному стал относиться к большевикам, хотя он не хотел в этом признаться даже самому себе. Но я видел это очень хорошо. Теперь жалею, что перемена взглядов никак не отразилась на его служебной биографии. Он сменил лишь кучера, но бежал в той же упряжке. А я всегда был там, где отец.

(Пожалуйста, не думай, что я пишу так в свое оправдание. Сочувствия не ищу, его не может быть. Но искажать истину не хочу. Так все было на самом деле.)

После войны немало пришлось помотаться по свету.

Я никогда не хныкал и привык действовать, не жалея о последствиях.

Прежде чем приехать в Советский Со[юз], пришлось взять другое имя. Вернее — фамилию, имена у нас совпадали. Под этой фамилией ты меня и знаешь: Зотов.

На советской земле я впервые по-настоящему ощутил, что я русский.

Моя жизнь в твоем родном городе тебе в основном известна. Потом я вынужден был срочно уехать, снова сменить имя. Поверь, что я

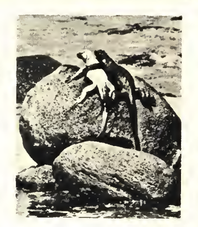

ИЗБУШКА НА КУРЬЕЙ НОЖКЕ

Стоит она на берегу Ферапонтова озера, на краю деревни Селково, Вологодской области. Когда-то она была ветряной мельницей, а потом потеряла крылья и, никому не нужная, доживает свой век, медленно разрушаясь. А жаль!

А. МАРТЫНОВ

ИДИЛЛИЯ

«Как хорошо вдвоем греться под горячим тропическим солнцем!». Так, видимо, рассуждали эти две морские игуаны, живущие на островах Галапагос.

КНИГИ-ЛИЛИПУТЫ

Французские полиграфисты выпустили несколько книг размером 5 × 5 миллиметров. На фото эти книги рядом с обычной почтовой маркой.

АВТОМОБИЛЬ С ПАРАШЮТОМ

Итальянец Умберто Мора смастерил гоночный автомобиль с реактивным двигателем, который развивает огромную скорость. Чтобы остановить машину, конструктор придумал тормозной парашют.

ДОМАШНЯЯ ГАЛКА

У пенсионера Н. Становвича из югославского города Заечара несколько лет живет галка. Птица настолько привязалась к своему хозяину, что даже сопровождает его в прогулках по городу. Она расстается с ним только на вокзале, когда Н. Становвич куда-либо уезжает.

КАТАСТРОФА БЕЗ ЖЕРТВ

На этих снимках запечатлено столкновение двух самолетов во время соревнований в Калифорнии (США). Один из них рухнул на землю без крыла, другому удалось совершить посадку. Летчик первого самолета спасся на парашюте.

В свете Луны

Рисунки В. Черникова.

— Какие странные у них получаются снимки...

Заботливая мама.

На седьмом небе.

думал о тебе с сожалением, не хотел оставлять тебя. Но иначе было невозможно.

Без тебя я прожил на свободе год. Если можно считать свободой существование человека вроде меня.

За этот год я многое понял и многому научился.

Меня предупредили, что это письмо прочтешь не только ты. Но человек, который будет моим цензором, знает обо мне в десять раз больше, чем мне позволено здесь изложить. Поэтому я могу не стесняться своих слов и хочу немного поговорить о нас с тобой. Прежде чем начать, должен сказать одну вещь.

Против ожиданий со мной обошлись мягко. Но в момент ареста (в июле этого года) и после у меня было достаточно случаев испытывать за свою участь если не страх, то беспокойство, оснований для этого я успел заработать более чем достаточно. Поверь, что даже в самые мрачные минуты я не забывал тебя.

Я виноват перед тобой, что выдавал себя не за того, кто я есть на самом деле. К тому же ты по моей просьбе ездила в Москву. Но если взять нас с тобой просто как двух людей, женщину и мужчину, в этом я тебе никогда не лгал. И у меня всегда была уверенность, что ты любишь меня. Знаю, ты бы не могла полюбить, если бы я открылся перед тобой. Я искал любви обманным путем. Но неужели ты не сможешь простить?

Мне известно, что у нас родился ребенок (недавно мне сказали, что ты назвала его Александром). Если бы ты только знала, как я был обрадован и как счастлив сейчас! Помнишь, тебе подбросили деньги? Это я посылал. А ты отнесла их в милицию. Понимаю, что иначе тебе поступить было немыслимо. Мне не обидно за это. Деньги были нечистые. Но я кусаю себе пальцы, когда вижу, что не могу ничем тебе помочь.

Сейчас прошу об одном: если в твоем сердце осталось но мне хоть что-то с тех времен, напиши о себе, о нашем ребенке.

Если еще не все для меня потеряно в твоей душе, я постараюсь вернуть прежнюю любовь. Мне сейчас сорок два. Я на родине моих предков. Я вырвался из заколдованного круга. У меня хватит сил и воли изменить свою судьбу. И здесь есть люди, готовые помочь мне в этом, хотя я этого не заслуживаю.

У меня во всем свете остался единственный человек, которого я считаю (самовольно) родным. Это ты. Отец кончил свои дни печально. Я знаю, что те, на кого он работал почти всю жизнь, выбросили его за борт без жалости. Этого простить нельзя. Не подумай, что плачусь, стараюсь вызвать жалость. Но если лишусь и тебя — плохо мне будет. Очень плохо. Надеюсь все же получить от тебя ответ. Буду считать дни. Напиши, пожалуйста! Очень прошу.

Может случиться, что ты никогда больше не захочешь меня видеть. Но ведь у нас есть сын. И никто не отнимет у меня права когда-нибудь заслужить его уважение.

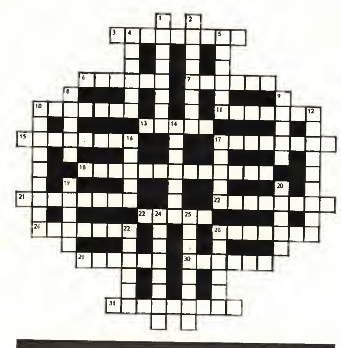
Я тебя люблю.

Если разрешаешь, обнимаю и целую, как прежде. Жду. Михаил».

Молодой человек взял письмо у Марии и ушел.

Мария не спала всю ночь. А утром, когда уже рассвело, села писать ответ. Человек, который вручил ей письмо, сказал, что, если она захочет послать что-нибудь автору письма, она может это сделать через областное управление КГБ.

Продолжение следует.

КРОССВОРД

По горизонтали:

3. Упрощение текста для начинающих изучать иностранные языки. 6. Уполномоченный иностранного государства. 7. Комедия Н. В. Гоголя. 10. Французский скрипач, композитор. 11. Положение, принимаемое без доказательств. 13. Цитрус. 15. Птица отряда воробьиных. 17. Областной центр в РСФСР. 18. Русский математик XIX века. 21. Персонаж романа А. А. Фадеева «Разгром». 22. Краски, разводимые водой. 23. Инструмент для изготовления деталей давлением. 26. Автор картины «Переход Суворова через Альпы». 28. Древнегреческая поэма. 29. Участок земли для выращивания овощей. 30. Помещение на судне. 31. Группа островов.

По вертикали:

1. Горная система в Северной Америке. 2. Спутник Юпитера. 4. Река на Украине и в Молдавии. 5. Порт в Красноярском крае. 8. Горная коза. 9. Стихотворная форма. 10. Тригонометрическая функция. 12. Общее собрание членов международной организации. 14. Форма для отливки типографского набора. 16. Армянский писатель. 17. Хвойное дерево. 19. Залив Средиземного моря у берегов Ливии. 20. Бег по пересеченной местности. 24. Угломерный инструмент. 25. Легкая ткань. 27. Опера Ж. Массне. 28. Путь движения небесного тела.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 2

По горизонтали:

7. Демосфен. 8. Виньетка. 10. Антраша. 11. Шолапур. 13. Ромашка. 17. Томский. 18. Лексикография. 20. Таймень. 22. Антарес. 25. Авкация. 27. Агроном. 28. Петляков. 29. Катарина.

По вертикали:

1. «Тройка». 2. Снежка. 3. Берлога. 4. Бенар. 5. Динар. 6. Ансанов. 9. Трансформатор. 12. Протектор. 14. Миссисипи. 15. Попугай. 16. Витрина. 19. Рентген. 21. «Ариадна». 23. Аншлаг. 24. Самос. 25. Амбар. 26. Азурит.

На первой странице обложки: Галочке мороз не страшен.

Фото Л. Бородулина.

На последней странице обложки: На ледяной арене в Лужниках.

Фото А. Бочикина.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются. Оформление Е. КАЗАКОВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-37-61; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 0-46-98; Литературы — Д 3-31-10; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 0-14-70; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-39-04; Оформления — Д 3-38-36; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 00305. Подписано к печати 11/I 1967 г.
Формат бум. 70×108¹/₈. 2,5 бум. л. Печ. л. 5,0. Усл. печ. л. 7,0.
Тираж 2 000 000. Изд. № 15. Заказ № 3670.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

— Не люблю я эти однодневные дома отдыха: на работе опохмелиться тянет...

Рисунок Е. Шабельника.

— Доктор, я, кажется, начинаю выздоравливать.

Рисунок Г. и В. Караваевых.

— Рисуй спокойно: они еще часа три не шевельнутся.

Рисунок В. Воеводина.

вторая жизнь дерева

Художник комбината декоративно-прикладного искусства москвич В. И. Страхов несколько лет работает над образцами сувениров из различных пород дерева. Свои произведения Вадим Исидорович выполняет на токарном станке. Многие изделия художника экспонировались на выставках.

Вадим Исидорович страстно увлекается своим делом и эту любовь стремится привить другим. Ниже мы публикуем его советы.

...Некоторые люди думают, что для изготовления скульптуры нужны какие-то особые породы дерева. На деле это совсем не так. Часто неприглядные куски оказываются отличным материалом. Слегка подгнившие осина, сосна, ель приобретают мягкую цветовую гамму серо-голубых тонов, а в подгнившей березе, буке, клене появляется интересный, четкий графический рисунок.

Самое подходящее дерево для художника — сосна. Она хорошо поддается обжигу и полировке воском.

При изготовлении фигур хорошо использовать развилки сучьев, наплывы, различные изгибы. Самая красивая поверхность получается при косой разрезке ствола. Часто сам материал своим изгибом или цветом подсказывает тему.

Для любителей почти каждый кусок дерева — находка, вся прелесть в его неповторимости. Много интересного можно найти в лесу, особенно в сплетении сосновых веток. Старайтесь сохранить их естественный вид, лишь в крайнем случае прибегайте к вставкам и убирайте явно лишнее.

В. СТРАХОВ

